

А. В. Никитина
(Санкт-Петербург)

A. V. Nikitina
(Saint Petersburg)

**Специфика образа
кукушки в русских
эпических песнях**

**Specificity of functioning
(applicability) the figure
of cuckoo in epic songs of
Russian folklore**

Аннотация

Статья посвящена специфике функционирования образа кукушки в песенных эпических жанрах русского фольклора: фактическое отсутствие такового в былинах, незначительные фиксации в песнях исторических и востребованность в некоторых типах баллад. Рассматривается корреляция функционирования образа с его семантикой и направленностью конкретного жанра. Особое внимание уделяется выявлению общих позиций, объединяющих работу образа в лирике (рекрутской и солдатской), исторических песнях, героических песнях, мифологических балладах и в плачах (рекрутской и погребальной обрядности). В ряде случаев привлекается аналоговый материал белорусской и украинской традиций, а также южнославянской (сербской, черногорской, македонской, болгарской).

Ключевые слова: орнитоморфный образ, орнитоним, кукушка, поэтические эпические жанры, героические песни (былины), исторические песни, баллады, плачи, лирика, сюжет, мотив

Abstract

The specific features of functioning of the figure of cuckoo in the epic songs of Russian folklore are addressed, including the absence of the figure in the heroic epic (bylina), its minor appearances in the history songs, and demand for it in some ballads. The correlations of the functions of the figure with its semantics and with the orientations of specific genres are considered. Special attention is paid to delineating the common features that determine the functions of the figure in lyrics, both recruit's and soldier's, history songs, heroic songs, mythological ballads, and lamentations, both recruit's, and funeral. In some cases, analogies are drawn with the Belorussian and Ukrainian, as well as South Slavic (Serbian, Montenegrin, Macedonian, and Bulgarian) folklore.

Keywords: ornithomorphic figure, ornithonian, cuckoo, epic songs, epic poetry, heroic poems (byliny), historical songs, ballads, lamentation, lyrics, plot, motive

Не копыя поют на Дунае, —
То слышен мне глас Ярославны;
Кукушкой неузнанной рано кукует она:
«Полечу я, кукушкой, говорит, по Дунаю,

Омочу рукав я бобровый во Каяле-реке,
Оботру я князю раны кровавые
На застывающем теле его»¹.
(Плач Ярославны, пер. И. Новикова)

Многие орнитоморфные образы фольклора определяются как универсальные, но не образ кукушки, который отмечен яркой индивидуальностью и обладает особой значимостью. Архаичный, сохраняющий мифологические черты (мифологема кукушки — функционирование между миром живых и «иным»), он четко сориентирован в гендерном плане (здесь даже не женскость, а женоцентричность), его семантика, определяемая обычно как семантика горя и несчастья, благодаря доминантной звуковой модальности (значима именно кукующая кукушка²) имеет уникальный ракурс выражения горя и его избывания. И если универсальность большинства «птичьих» образов обеспечивает их функционирование практически по всем фольклорным жанрам, характеристики образа кукушки обуславливают его востребованность ограниченным набором жанров. Добавим, что при определении значимости образа в художественной системе жанра значение имеют контекст его употребления, варьирование и частотность в существующих записях.

В исследовании Л. Ю. Гусева «Птицы русского фольклора» (1996 г.)³, в котором проводился анализ семантики ряда фольклорных орнитонимов и была предпринята попытка их систематизации с учетом жанровой принадлежности⁴, данные по частотности употреблений орнитонима *кукушка* представлены следующим образом: всего рассмотрено 190 предъятий, из них на лирическую песню пришлось 150 единиц, на причитания — 30, на историческую песню — 10, на былинку — 0 («ни разу») ⁵. Отсутствие кукушки в былинах логично: былины —

¹ Слово о полку Игореве / пер., предисл. и поясн. И. Новикова; общ. ред. и вступ. ст. Н. К. Гудзия. М., 1938.

² Пример идущего от действия именованного объекта — кукование кукушку определяет, делает узнаваемой, символизирует. О глаголе, порождающем имя, см.: *Бенуас Л.* Знаки, символы и мифы / пер. с фр. А. Калантарова. М., 2004.

³ *Гусев Л. Ю.* Птицы русского фольклора (лингвистическое исследование). Курск, 1996 (далее: *Гусев*).

⁴ В Приложении (*Гусев*. С. 108–109) указаны 55 анализировавшихся орнитонимов, однако некоторые из них являются разноплановыми вариантными (*кур, петух и кочет; ласточка и касат(оч)ка; соловей и соловейка* (м. р.) и т. д.) и как самостоятельные приводиться не должны. Неясно, отчего при заявленной широте исследования были взяты только поэтические жанры, только четыре и именно эти (лирическая песня, причитания, былина и историческая песня), но для рассматриваемой нами темы такой жанровый квартет видится удачным, поскольку располагает к выявлению единых функциональных характеристик исследуемого образа в жанрах не эпических — лирике и причитаниях, где он явно востребован, и в жанрах песенного эпоса, где его функционирование представляется спорным.

⁵ *Гусев*. Там же (Приложение). «Нулевой» результат подтверждается, например, материалом мезенских былин: среди двух десятков птичьих образов, включая экзотические для русского героического эпоса (попугай), кукушки нет. См.: Былины Мезени (Свод русского фольклора: Былины: в 25 т. / отв. ред. А. А. Горелов). Т. 3–5. Л.; М., 2003–2006; Предметный указатель. Т. 5. С. 368–543.

поэзия воинская, мужская, ориентированная на прославление героики, образ кукушки с его женоцентричностью, семантикой горя и печали оказывается в этом контексте неуместным и потому невостребованным. Однако говорить о полном отсутствии данного образа в эпических песнях неверно, хотя бы из-за отмеченных случаев его функционирования в песне исторической. Рассмотрение таковых, а также имеющихся фиксаций по другим эпическим песенным жанрам⁶ позволит обозначить и специфику, и общие моменты, его здесь характеризующие.

Начинать, на наш взгляд, следует с лирики, немало позаимствовавшей из художественных средств эпоса, и с причитаний, которые также нередко служат лирике источником выразительных средств, включая мотивы, приемы и образы. Оба жанра каждый в своем роде развернуты на передачу эмоций, спектр которых по понятным причинам в лирике разнообразнее, и используют в этих целях соответствующие жанрово обусловленные средства. Что касается непосредственно фольклорных орнитонимов, они, как известно, в большинстве случаев работают как символ или как метафора, что, с одной стороны, позволяет видеть в них «опорный элемент многих типов поэтических приемов»⁷, с другой — ведет к тотальной синонимизации и легкой взаимозаменяемости. Однако материал песен и плачей свидетельствует о том, что образ *кукушки* в принципе отмечен повышенной эмоциональностью, причем речь идет о совершенно определенной части эмоционального спектра; иными словами, комплекс связываемых с кукушкой представлений обладает собственным давно сложившимся характерным эмоциональным строем. Судя по всему, с эмоционально-экспрессивной составляющей образа и должно связывать высокую степень символизации, но низкую синонимизации, и очень низкую возможность его замены другими орнитонимами.

Гусев указывает, что и в лирике и в плачах рассматриваемый орнитоним демонстрирует «редкую для фольклорного слова сверхустойчивую символику... <...> которая не исчерпывается образом тоскующей женщины, а семантически тождественна понятиям горя, скорби, печали, обездоленности»⁸. В последнее понятие он включает несчастливое замужество (должно бы включать и разбитую любовь для лирики девичьей), а также рекрутчину и тюремное заключение. Но и с указанным расширением обозначенный набор едва ли можно считать полноценным: в обездоленности не упомянуты *вдовство*, *сиротство*, *бесприютность*; обойдено молчанием *медиаторство* кукушки и напрямую связанные с ним

⁶ В состав русского песенного эпоса, по Ю. И. Смирнову, кроме собственно былин, входят ранние и поздние исторические песни, песни «разбойничьи», духовные стихи и баллады. См.: Смирнов Ю. И. Славянские эпические традиции. Проблемы эволюции. М., 1974. Гл. 3, раздел: Славянские эпические жанры. С. 90–96.

⁷ Гусев. С. 45; подчеркнем, что цитируемое исследование позиционируется как лингвистическое. «В необрядовой лирической песне имя существительное *кукушка* употребляется в прямом значении (птица) — 99,3 % и метафорическом (женщина) — 0,7 %» (там же, со сн. на: Петренко О. А., Хроленко А. Т. Gold / Золото // Фольклорная лексикография. Вып. 4. Курск, 1995. С. 13).

⁸ Гусев. С. 48.

вестничество (для лирики — правдивое или ложное, для причитаний — с выходом в *вещевание*), а также воплощение *души умершего* (в первую очередь для причети); кроме того, принимая во внимание уникальную функцию голоса кукушки, было бы логично объединить горе, скорбь и печаль: кукушка — символ *горевания*⁹.

Исходя из наиболее высокого показателя частоты употребления орнитонима *кукушка* в лирических песнях, Л. Ю. Гусев делает вывод о его жанровой закреплённости за лирикой, однако такое заключение вызывает сомнения, и прежде всего потому, что лирическая песня бралась обобщенно. Так, указывая на неизменность символического содержания орнитонима в контексте обездоленности, исследователь обозначает связь неволи с рекрутчиной, тюрьмой или неудачным замужеством, но при этом ни рекрутских песен, ни тюремных, ни женских он из массива исследуемой лирики не выделяет, и ни по отдельности, ни в сопоставлении не рассматривает¹⁰; соответственно, и важный здесь гендерный аспект оказывается в лучшем случае лишь обозначен. Возникает вопрос: как при своей женоцентричности образ кукушки функционирует в песнях рекрутских и солдатских или в связанных с тюремным заключением, которые соотносятся со сферой мужской?¹¹

В рекрутских/солдатских песнях кукующая (реже — летящая) кукушка является *предвестьем беды, зна́ком надвигающегося горя* — предстоящего набора,

---

⁹ Как символ и воплощение горя образ кукушки ни в песнях, ни в плачах не работает, хотя орнитоморфный образ Горя существует: в мотиве преследования встречается Горе, летящее вслед за молодцем перед ним сорокой или вороном, см.: Песни, собр. П. Н. Рыбниковым: в 3 т. М., 1910 (1861). Т. 1. № 48 (далее — *Рыбников* 1861); Народные баллады / вступ. ст., подг. текстов и примеч. Д. М. Балашова. М.; Л., 1963. С. 219 (далее — *Балашов* 1963). Примечательно, что в женских вариантах песен на данный сюжет «птичьих» образы практически отсутствуют, а в мужских возможно и их отсутствие, и неожиданное изобилие: «<...> Я пойду теперь от Горя во темны леса, / Что за мной Горе *летит* тут *черным вороном*. / Я пойду ли я от Горя на синё морё, / ай за мной-то ведь Горе — *серой утицей*. / Я пойду-ту от Горя на друго море, / Как за мной-то ведь Горе-то *сизым орлом*. / Я пойду-то от Горя во то ли во чисто поле, / Тут летит-то за мной горе *ясным соколом*. / Я пойду-схожу от Горюшка на тихи заводи... / Тут за мной-то ведь горюшко да *белой лебедью*...» (*Балашов* 1963: 217). В женских вариантах преобладает антропоморфизм — Горе идет, бежит, смеется и т. д., см.: Киреевский № 2624, зап. 2-й трети XIX в.: Песни, собр. П. В. Киреевским / изд. Общ-ва Люб. Рос. словесности при Московском ун-те. Вып. 2. Песни необрядовые. Ч. 1. М., 1918 (№ 1173–1611); Ч. 2. М., 1929 (№ 1612–2988) [Новая серия] (далее — *Киреевский* НС вып./часть). Можно также отметить гендерную «игру»: в женских вариантах песни чаще встречается Горе мужского пола: «<...> Стоит горе улыбается: „Доканал, доканал красну девицу, / Vogнал, загнал во сыру землю!“» (Тул. губ., *Киреевский* НС II/2: № 1662), а в мужском варианте — женского: «<...> Еще горе-то насмеялось: „Хорошо я молодца упрятала, / Я в могилушку его спрятала“» (*Киреевский* НС II/1: № 1459, цит. по: Собрание народных песен П. В. Киреевского / предисл., послесл., коммент., сост. В. И. Калугина. Тула, 1986 (далее — *Киреевский* 1986). С. 140 (№ 176); в коммент. к тексту (С. 438) помечено: «Одна из популярнейших народных баллад...»

¹⁰ См.: *Гусев*. С. 45.

¹¹ В нерассматриваемой здесь девичьей/женской лирике образ кукушки связан с выражением горевания, причиной которого является та же обездоленность, не выходящая за рамки семейно-бытовой проблематики: сиротство, вдовство, разбитая любовь, несчастливое замужество, определяемые по сути как неустроенность и обособленность, как та или иная степень отторгнутости родом-семьей и шире — социумом.

грядущей войны и, соответственно, недоли рекрута, затрагивающей его род и семью: «В нашей вотчинке несчастье / Поголовное солдатство. / <...> „...Отдадим тека, миряна, / У вдовы сына Ивана“. / <...> *Горемычная*, Ваня, *кокушка* / По заре рано летала, / Все *летала, коковала*, / Себе местичка искала...» (рекрут. п., Волог. губ.)¹²; ср.: «<...> Молодых ребят идут во солдаты брать. / У солдатушки нам идти не хочется, / А хоть и хочется — назад не ворочаться; / Хоть и вернемся — к сердцу не привернемся» (истор. п. «Государева служба»)¹³. Утрата своего места, бездомье, неприютность, характеризующие кукушку, для рекрута — маркер порогового состояния, «застревания» на переходе («солдат промеж неба на земле»¹⁴), указывающий на разрыв родовых и семейных связей, причем без возможности восстановления утраченного («назад не ворочаться», «к сердцу не привернемся»); отсюда и горевание: «Забривали тут ведь молодца да во солдатики... / <...> По чисту полю добрый молодец да запоезживал, / Запоезживат да *сам поплакиват*, / Сам поплакиват, *горе свое причитыват*...» (бал. «Проданный сын»)¹⁵.

Мотив горького осознания радикальной перемены судьбы личной и всего рода-племени (общая доля) можно считать для рекрутской/солдатской лирики базовым, в той или иной мере он здесь присутствует в любой песне: «<...> Знать, что мне-ка, маменька, / Во несчастьи быть, / В солдатах служить, / Моим малым детонькам / Век свой сиротать, / Моей молодой жене / Век солдаткой слыть»¹⁶; или: «<...> На чужой дальней сторонушке / Ни отца нету, ни матушки, / Ни брата, ни родной сестры, / Ни младой жены, ни малых детушек...»¹⁷; или: «Эх, да как задумал [государь] солдат набирати... / <...> Видно, нам же братья, усем пропадати. / Не будет знати ни отец, ни мати, / Ни отец, ни мати, ни радна ради-на, / Ни радна радина, жена молодая!»¹⁸

И в эпической песне кукушка предстает вестницей рекрутского набора, знаком трагической перемены в судьбе молодца и связанного с этим материнского горевания: «Не *кукушечка* во сыром бору / *Скуковала*, *скуковала*, / Не в высок терем

¹² Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собр. Н. А. Иваницким в Вологодской губ. / Подг. текстов Н. В. Новиковым. Вологда, 1960. С. 54 (№ 247) (далее — *Иваницкий* 1960). Ср.: «Та *кувала зазулица* ой на моём току... / <...> Та коли ся починала и зъ Французомъ война. / Чи вы чули, люде добры, та таки публѣки, / Що *забрали* въ Коломыйѣ *рекрутѣвъ на вѣки?*...» (укр. дума воин./рекрут.; помета: «Изъ 1859 г., записана отъ Русскаго солдата Австрійскаго полка...»): Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собр. Я. Ф. Головацким. Ч. 1. М., 1878. С. 114–115 (№ 38) (далее — *Головацкий* 1878).

¹³ Исторические песни XVIII века / изд. подг. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971. № 174.

¹⁴ Пословицы русского народа / собр. В. И. Даль. М., 1957. С. 712.

¹⁵ Русские народные баллады / вступ. ст., подг. текста и примеч. Д. М. Балашова. М., 1983. С. 275 (далее — *Балашов* 1983).

¹⁶ *Иваницкий* 1960: 53 (№ 243), Волог. губ.

¹⁷ Здесь: Сочинения М. Д. Чулкова / изд. ОРЯС ИАН. СПб., 1913. Т. 3. № 167 (2-я пол. XVIII в.); как вар.: Собрание разных песен М. Д. Чулкова. Ч. 1, 2 и 3 с прибавлением. СПб., 1770–1773 (далее — *Чулков* год).

¹⁸ Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина. Т. 1 / подг. текстов З. И. Власовой. Л., 1983 (далее — *Якушкин-1*): № 552; коммент. к тексту: «старинная солдатская песня времен Петра Великого, сохранившая отголоски исторических событий».

раскукушечка / *Вестку подавала*, вестку подавала — / *То родна матушка / Слезно спрочитала*: / „Что хорош, что пригож, мое дитятко, / Хорош уродился... / Да несчастливо снарядился!“ / — „Моя матушка, не плачь не крушись, / Что во солдаты годился...“» (бал. «Молодец взят во солдаты»)¹⁹. Для русской воинской лирики обозначенная параллель кукующей кукушки и плачущей по сыну матери является традиционной, именно ее следует рассматривать как норму. Что до параллели *кукушка — рекрут*, песенный материал ее фактически не дает, как правило, идет или „переключение“ — женский образ кукушки перебивается мужским (например, ястребом): «Ныне осенью *кукушки / будут ястребом летать — / Я*, молоденький мальчонка, / буду рекрутом гулять»²⁰ (рекрут. част.); или выстраивание двойного параллелизма, причем как в отношении самого рекрута: «*Не кукушка* во сыром бору куковала, / *Не соловушко* в зеленом саду *громко свищет*; / *Добрый молодец*, во неволпошке сидя, *плачет...* / <...> Отдают меня, добра молодца, в царску службу, / Что во ту ль, во ту службу царску, во солдаты...» (рекрут. п.)²¹, так и в отношении матери рекрута: «*Не кукушечка кукует*, / *Не соловушка поет*, / *Родна матушка горюет*, / *Сын в солдатушки идет*» (рекрут. част.)²².

Еще один пример: «Бежит речушка слезовая, / На ней струюшка кровавая; / По бережку растет част осинничек, / Во тем осинничке куст рябинушки... / <...> На цвету сидит *кукушечка*, / *Горемычная куковала*, / *Жалобнехонько, горемычная причитала*, / *Всем солдатушкам назолушку давала*. / Не кукуй-ко ты, кукушечка, жалобненько, / Не одной-то тебе, кукушечка, жить тошно, / И нам-то солдатушкам, жить не сладко! / На что матушка нас, сударыня, породила?» (воен.-быт. лир., Псков. губ.)²³. Кукующая (причитающая) кукушка здесь не столько символ горевания, сколько параллель горящим солдатам, как и в приведенном ранее примере, где она, хоть и вперевод с соловьем, является метафорой горящего по своей судьбе рекрута. Но «матушка... сударыня» упомянута не случайно, и вопрос в последней строчке вовсе не риторический, потому что «<это>... матушка родима, / На горе меня родила, / Худой долей наделила, / Худой долей, горьким счастьем...»²⁴

¹⁹ Русская баллада / гредисл., ред. и примеч. В. И. Чернышева. Л., 1936. № 85 (далее — *Чернышев* 1936). С. Н. Азбелевым баллада помещена в раздел песен нового времени, но как баллада, см.: Исторические песни. Баллады / сост., подг. текстов, ст. и примеч. С. Н. Азбелева. М., 1986.

²⁰ Русские частушки / гредисл. и отбор текстов Н. И. Рождественской и С. С. Жислиной. М., 1956. С. 60. Текст интересен в плане обыгрывания распространенного верования (рус., пол., луж., укр. и др.), что по осени кукушка превращается в ястреба, и связанного с этим выражения «променять кукушку на ястреба», означающего неудачный обмен: «менять кукушку на ястреба — из плохого выбирать худшее...» (см.: Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М., 1967. С. 241).

²¹ *Кашин Д.* Русские народные песни Ч. 1. М., 1833. С. 31 (№ 8) (далее — *Кашин* 1833).

²² Русские частушки. С. 12.

²³ Литературное наследство. Т. 79. Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М., 1968. С. 193–194 (зап. 1824–1826 г. А. С. Пушкина).

²⁴ Великорусские народные песни, изданные А. И. Соболевским. Т. 1–7. СПб., 1895–1902 (далее — *Соболевский* том); процит.: *Соболевский* б: 28, рекр. п.; аналог — *Иваницкий* 1960: 53 (№ 243), Волог. губ.

Вводимый в солдатское горевание элемент сетования в адрес матери, надеяющей свое дитя судьбой, существенно корректирует представление об обездоленности рекрута/солдата («великое бесталаньце, горе-горькое живленьице»²⁵): «Да не кукушица да она во сыром бору она скуковала, / Как удалой молодец сам сидит да горюет... / Лучше бы родна матушка меня не родила, / Да где родила-то родна матушка, тут бы и сгубила... / <...> Злом-несчастьцем бы родна матушка меня, добра молодца, не наделила, / Злой бы солдатчиной родна матушка не наделила» (рекрут. п., Арханг. обл.)²⁶; ср. с плачем, обращенным к матери от имени рекрута: «И ты ведь лучше бы, родитель матушка, / И ты на белый свет меня не попустила, / Аль спустила бы, родитель, во синё море, / И ты со этим бы катучим белым камешком; / И на белом свете ведь я да не шатался бы, / И по чужоной сторонке не скитался бы...»²⁷ То есть, с одной стороны, «что никто, никто по мне не потужит, лишь потужит маменька родная...», а с другой — «Я не дитятко тебе да не сердечное: / И ты солдатушкой меня да ведь засеяла, / И ты солдатушкой меня да ведь спородила... / <...> И не дитятко ты растила — изменушку...» (пл. к матери от имени рекрута)²⁸, — очевидное обострение связи ‘мать–дитя’, характеризующее и саму кукушку, птицу «бессчастную», которую «за деток бог наказал»²⁹.

²⁵ Причитания Северного края, собр. Е. В. Барсовым. Ч. 1: Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. М., 1872. Ч. 2: Плачи завоенные, рекрутские и солдатские. М., 1882. Ч. 3: Плачи свадебные, заручные, гостивные, баенные и предвенечные. М., 1886 (далее — Барсов, год, часть); прочит.: Барсов 1882 2: 28. Там же: «<...> И насмотрелась на бессчастных я головушек / И на победну, горьку жизнь да на солдатскую...» (с. 29), и дальше о рекрутах от имени рекрутов — «*кокоши горегорькие*» (с. 33); определению солдатской жизни, данному в плаче, есть соответствие в рекрутской песне: «Во солдатах горе-горькое житье / *Горе-горькое, кукушечье!*» (Соболевский 6: № 42, Перм. губ.).

²⁶ Жили-были... Русская обрядовая поэзия / сост., авт. ст. и коммент. Г. Г. Шаповалова и Л. С. Лаврентьева. СПб., 1998. С. 243 (№ 353), личный архив Н. А. Митрофановой, зап. 1969 г. (далее — РОП 1998).

²⁷ Барсов 1882 2: 200–201.

²⁸ Барсов 1882 2: 45. Поскольку плачей — женщина, в плачах, исполняемых плачущей от имени рекрута, т. е. как бы мужских, задействуется традиционный набор выразительных средств, который определяется как «женский». Образ кукушки в этих плачах активно востребован и применяется и к самой плачущей, и к другим горящим женщинам, и к рекруту (см. фрагмент сестринского плача в сн. 25); в собственно мужских плачах использование образа кукушки явно избегается (причем и в отношении горящих женщин).

²⁹ Представление о кукушке как плохой матери распространено; известна идиома «кукушкины детки» (Даль, 1957: 125, о брошенных матерью детях), а также объяснение бездомности и бездетности кукушки божьим наказанием: «Кукушка из-за детей прогневила Бога, и вот он ее проклял. С тех пор она не знает покою, не имеет ни постоянного места, ни гнезда, яйца свои кладет в чужие гнезда и вечно плачет...» (Бондаренко В. Поверья крестьян Тамбовской губ. // Живая старина. СПб., 1890. Вып. 1. С. 119). Другое известное выражение «как кукушка по чужим гнездам летает» дает в эмоционально-смысловом плане как минимум три взаимосвязанные позиции: 1) кукушка — плохая мать, оставляющая детей (такое наказание); 2) как результат наказания — обездоленная горемыка (без дома, семьи и т. д.) вызывает жалость («она... обиженная»); 3) горькая обида предполагает скрытую агрессию.

Примечательно, что ламентация, подобная приведенной рекрутской, находится и в песнях эпических, причем в разных жанровых формах, включая былины, но образ кукушки в них себя не проявляет ни в отношении жалующегося, ни в отношении «виновницы бед»: «<...> Не былинушка в чистом поле зашата-лася, / Зашаталася бесприютная моя головушка, / Бесприютная моя головушка молодецкая! / <...> Что куды-то, братцы, ни поеду, / Что ни в чем-то мне, молодцу, нету счастья. / Я с дороженьки, доброй молодец ворочуся, / Государыни своей матушки спрошуся: / „Ты скажи, скажи, моя матушка родная, / Под которой ты меня звездой породила, / Ты каким меня и счастьем наделила?“» (разбойн. песня)³⁰; «<...> Я гневаюсь на тебя, моя маменька родимая: / Для чего меня, Добрынюшку, несчастного спородила, / Почему меня, Никитича, да неталанного? / Где мое счастье приосталось, / Кому оно от меня досталось? / Лучше ты меня, несчастного, на бел свет не спородила! / Лежал бы я, Добрынюшка, да серым камешком / У той ли у реки да все Пучай-реки...» (был., Беломор.)³¹.

В украинском и белорусском песенном материале кукушка намного чаще является метафорой горящего рекрута, и чаще встречаются сетования рекрута на горькую долю, обращенные к матери: «Заковала сива зазуленька / В лесе над водою. / Плаче, *тужит жовняр молоденькій...* / <...> Волила бы 'сь мя моя стара мати, / Маленьким втопити, / Неж я маю, такий молоденькій, / Цесареви служити...» (рекрут., галиц.)³²; «<...> Було б мені, моя мати, біле тіло не давати, / Було б мені, моя мати, щастя й долю дати. / <...> *Закувала зазуленька на паньским острозі, / Та й заплакав жомнер в уланьській дорозі*» (рекрут., укр.)³³; см. также случаи, когда образ прилетающей и начинающей куковать кукушки вводится как знак рекрутского набора и связанного с тем общего горевания: «<...> Заплакали хлопці-молодці... / Вони заплакали, ще й заголосили: / „Ой чим же ж ми, хлопці-молодці, / Бога прогнівили / Бога прогнівили чи людей, громаду, / Що нас таких хлопців-молодців забрали в солдати“. / А в неділю рано стали принімати, / Налетіла зазуленька та й стала ковати...» (рекрут., укр.)³⁴; «Ой у саду той зазулька куе, / По за садом той дороженька йде. / Дороженька той убитая, / Слезоньками улітая. / Ой, і всё там тиі рекрути йшли...» (рекрут., белор.)³⁵ и т. д.

Приведенный фрагмент белорусской песни фактически дублирует начало известной русской проводной [«Дорожка»]³⁶, где также развернут мотив рекрут-

³⁰ Чулков 1770–1773 2: № 148, зап. конца XVIII в.

³¹ Марков А. В. Беломорские былины. М., 1901: № 62 («Женитьба Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши», зап. от М. С. Крюковой).

³² Головацкий 1878 1: 101–102.

³³ Рекрутські та солдатські пісні. Українська народна творчість. Київ, 1974. С. 192; далее — РСП 1974.

³⁴ РСП 1974: 121.

³⁵ Бычко-Машко И. Е. Сборник народных песен, зап. в п. Калюга-Комарно... Гродненской губ. // Сб-к ОРЯС ИАН. Т. 89. № 4. СПб., 1911. С. 28–29.

³⁶ В собр. П. В. Киреевского вариант этой песни обозначен как «Выступ войска» и помещен в разделе «Песни былевые и исторические» (Киреевский 3: 118–119).

ского горевания, но образ кукушки отсутствует: «<...> Уж по той ли по дорожке по широкой / Еще шли-прошли солдаты новобраны. / Идучи, они солдаты, сами плачут, / В слезах они дороженьки не видят...» (рекрут. п. XVIII в.)³⁷, ср.: «<...> И как идут да там победныи солдатушки, / И как не видят в слезах широкой дороженьки, / И во кручинушках не видят свету белого; / И оны так идут безсчастныи, тоскуют; / И тут бы не-несли солдатов ножки резвыи...» (пл. на проводах рекрута)³⁸. Слезное горевание самих рекрутов дополняется обязательным в этой песне гореванием всех провожающих рекрутов — отцов-матерей, жен («весь род-племя меня провожает...»), хотя передача всеобщего горевания возможна и нередко представлена через единый образ льющих слезы матерей; так или иначе, вариантов «Дорожки» много... однако кукующей кукушки нет ни в одном.

Горевание столь сильно еще и оттого, что расставанье предстоит навсегда, дорога, в которую отправляется рекрут, — путь в один конец³⁹; предельно четко это выражено в проводных плачах: «Уж ты мило мое дитятко, / Ты бессчастное родилося, / Бессчастное да бесталанное... / <...> Ты пойдешь, да мило дитятко, / Не в любимую да путь-дороженьку, / Не в любимую — во дальнюю, / Во дальнюю да во печальную. / Ты во службу-то во царскую, / Во царскую да государскую, / Во солдаты новобраные...» (пл. матери рекруту, Новг. губ.)⁴⁰; или: «Ты прощай-ко, мое рожное милое дитятко... / Как обневолили тебя не в пору да не во времечко... / <...> Ты пойдешь, моя любимая, удалая, наживная головушка, / На чужую-дальнюю сторонушку, / Что ль по дальней широкой дороженьке; / Шириной дорожка тридцать сажен, / Долиной дорожка — конца краю нет» (пл. матери по рекруту, Новг. губ.)⁴¹.

Сродство рекрутских проводов и соответствующей ступени похоронного обряда дает в материнских плачах эффект эмоциональной доминанты; и не столько через отождествление рекрута с умершим (см. работы Л. Г. Невской⁴² и В. И. Ереминой⁴³), сколько через обострение трагической составляющей рекрутства — насильственного разрывания связи с родом и прежде всего с матерью. Поскольку связь 'мать–дитя' представлялась в народном сознании неразрывной, материнское горевание по рекруту обретает особый статус («Еще матушка, она плачет как кокушица кокует...»): «по некрутам... сами матки больше причитали; и не слышать бы лучше; уж больно сердце забирает... <...> жаль-тошно безсчастных

³⁷ *Соболевский* 5: № 110.

³⁸ *Барсов* 1882 2: 137–138; пл. соседки, сестры солдата, на проводах новобранца.

³⁹ Л. Г. Невская указывала на однонаправленность пути и безвозвратность уходящего как на основные характеристики *дороги* в похоронных причитаниях («растворение в неопределенности „того света“»), см.: *Невская Л. Г.* Балто-славянское причитание: Реконструкция семантической структуры. М., 1993. С. 11.

⁴⁰ *Барсов* 1882 2: 79; зап. от плачен И. Калиткиной.

⁴¹ *Барсов* 1882 2: 82; зап. пл. от И. Калиткиной.

⁴² *Невская Л. Г.* Балто-славянское причитание. С. 8, 10.

⁴³ *Еремينا В. И.* Художественный мир народной поэзии. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. Раздел 6: Историко-этнографические истоки «общих» мест похоронных причитаний. С. 145–147.

некрутов...»⁴⁴ — «<...> Не дай, Боже, ведь того, да Боже Господи, / Розставаться со сердечным со дитятком. / Ой, тошнехонько ретливому сердечушку: / Как детинная тоска — неугасимая, / И как жива эта разлука пуще мертвой» (пл. матери)⁴⁵.

В лирической песне «Три садочка» (в запеве, как правило, все тот же мотив дороги) кукующая кукушка в качестве символа горевания (вопрос: чье?) является обычным включением: «Дорожка, дорожка, торна, широка, / На дорожке на желтеньких песочках стоят три садочка / В первом садочке кукушка кукует, / В другом садочке девушка горюет, / В третьем садочке мать сына спрашает⁴⁶: / Кто в роду милее — жена, теща или мать родная? / — Нет в свете милее матушки родимой...»⁴⁷ Явного пересечения «Трех садочков» с проводной «Дорожкой» нет, но велика вероятность того, что песня имела отношение к теме рекрутства, — в этом случае обретают логику композиция (на/у дороги желтые пески, на них три сада, в каждом — гореванье) и ключевой эпизод материнского расспроса с характерным ответом сына: «Матушка родима милее всех на свете, / Она ж мене рожала, колыбель качала, / От солнца накрывала, от солнца и от ветра, / Только не накрыла от горькой доли»⁴⁸. В параллели *кукующая кукушка — горяющая мать* слились оплакивание матерью судьбы сына, ее причастность к сыновней обездоленности и сетования сына в адрес матери; обездоленность кукушки в народном представлении в первую очередь связывается с нарушением ею отношений 'мать—дитя'⁴⁹.

Передача мужской недоли и горевания через образ кукушки в русских рекрутских песнях — большая редкость, поскольку в любом контексте кукование кукушки прочно ассоциируется с гореваньем женским, с оплакиванием в голос и «со слезой», близким к ритуальному плачу⁵⁰; соответственно, *кукующая кукуш-*

⁴⁴ Барсов 1882 2: 278, зап. от плачей А. Ехаловой.

⁴⁵ Барсов 1882 2: 4 — фрагмент известного плача по рекруту в исполнении И. Федосовой.

⁴⁶ Вместо «мать сына спрашает» в вариантах может быть «мать с сыном *горюет*», см.: Зеленая моя вишенка: Собрание песен липован, проживающих в Румынии / сост. М. Маринеску. Бухарест, 1978. С. 114 (лир. п., зап. 1972 г.). В материнском вопросе здесь происходит сбой в традиционном наборе тех, «кто в роду милее»: замена одного элемента в развернутой на родовую связь тройке *мать—сестра—жена* (вместо сестры — теща) приводит к «перекоосу» обозначаемых связей от родовых в сторону семейных.

⁴⁷ Киреевский 1986: № 39 (НС II/2 № 1525).

⁴⁸ Зеленая моя вишенка: Собрание песен липован... С. 113 (зап. 1963 г.); С. 114 (зап. 1972 г.); ср. с известным мотивом девушки-матери (и сама в горе и потомство в недоле): «<...> *Кукуить кукушечка / По своем теплом гнезде. / Горюить девченокка / по своем горьком житье... / Себе сына родила, / Худу долю нарекла, / В солдатушки отдала...*» (рекрут. п., Киреевский 1983: 85 (№ 157)).

⁴⁹ «Кокуша — победна горяша... <...> Детей выводити не умеет» (эп. песен. ф. «Птицы», Балашов 1963: 305, по зап. — «старинка»). Помимо доминирующей в русском материале кукующей *кукушки* как метафоры горящей *матери* четко фиксируются также *кукушка* — метафора *сестры* рекрута (тип несчастый) и *кукушка* — метафора *жены* рекрута (или его *миллой* — тип распространенный); три «кукующие кукушицы» — мать, сестра и жена составляют устойчивую женскую триаду горевания всего рода-племени.

⁵⁰ Аналогия с особыми формами похоронных причитаний — с так называемым «плачем с христаньем», который направлен на снятие, разрывание «кровной связи» с умершим (см.: Седакова О. А.

ка в качестве метафоры *плачущего рекрута* воспринимается как нарушение нормы. В русском песенном материале такие нарушения единичны, да и в восточнославянском в целом малочисленны; судя по всему, их следует определять как явление позднее, и видеть в них машинальное воспроизведение нормы в отношении объекта мужского пола, или, например, прием сопоставления мужского горевания и женского: «*Не кукушица во сыром бору скуковала, / Во неволюшке добрый молодец слезно плачет; / Во слезах он своей сударушке письма пишет*⁵¹; / „*Растоскуйся по мне, любезная, разгорюйся! / Уж я сам по тебе, любезная, стосковался...*“» (рекрут. п., Арханг. губ.)⁵². Нормой же является передача опосредованная — мужское горе получает выражение через горевание женское, прежде всего материнское («*Уж никто по мне, добром молодце, не потужит, / Только тужит лишь одна матушка, мать родная...*»), символом которого является кукующая кукушка: «*Ты кукушка, кукушечка, / Уж полно тебе, кукушечка, куковати! / — Уж как же мне, кукушечке, не куковати?.. / <...> Как один-то был у меня кукушёночек, / И того потеряла... / <...> Уж полно тебе молодушка, слезно плакать! / — Уж как же мне, молодешке*⁵³, не плакать? / <...> Как одно-то было у меня дитятко, / И того я в полк снаряжаю...» (рекрут. песня)⁵⁴.

Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004. С. 272–273), а также со слезным плачем, пробивающим границы миров, о котором у сербов говорится: «Вришти, пишти, диже гласи до небо, пушта сузу у земљу» [Кричит, голосит, возносит голос до неба, слезу пускает в землю], цит. по: Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М., 1995–2012. Т. 5 (2012). С. 46; серб. *вречати* — визжать, пищать, т. е. речь идет о высоком, пронзительном («головном») звуке.

⁵¹ Мотив писания писем, причем не со слезами, а слезами («<...> Напишу я письмо грамотку... / Не пером я не чернилами, / Напишу я горячим слезам...» (пл. жены рекруту, *Барсов* 1872 2: 90)), встречается в плачах рекрутского обряда и имеет явную связь с кукушкой-медиатором, вестницей: «И как увидим мы кокошу перелетную, / И восклицать станем мы малу эту птиченьку / И на отход да на крылечико перёное... / <...> И тут смахнёт да она правым этим крылышком, / И тут уронит скорописчатую грамотку... / Как тоской да е письмо ведь запечатано, / И с горячими слезмы с кручинушкой написано; / И прочитаем мы, печальные головушки, / И тут узнаем про бесчастного солдатушка / И про злодийну бедну жизнь да про солдатскую...» (пл. матери рекруту, там же: 78–79). Голос кукушки, максимально ориентированный на горевание, плач со слезой, здесь как бы переводится из звукового в иной модус передачи чувств («*verba volant, scripta manent*»), но носитель сохраняется, поскольку кукушка является и символом горевания, и признанным вестником горя и печали.

⁵² *Киреевский* 1929 2: 19.

⁵³ Привлекает внимание необычный случай стяжения: в образе горящей, как кукушка, «молoduшки» слиты мать, жена и девица, провожающие на воинскую службу сына, мужа и любимого.

⁵⁴ *Киреевский* НС II/2 (№ 2939); ср. с: «*Ой закукала сива зазулейка / В зеленѣм садочку, / Выпровожа́ла стара матѣнейка / Свого сынка на войночку...*» (рекрут. дума, галиц., *Головацкий* 1878 1: 97; 96–97; также: *РСП* 1974: 192; 205–206; 212; 213–214 и т. д.) Вариантов с кукушкой, выступающей метафорой сестры, провожающей брата, жены-солдатки или любимой фиксируется намного меньше: «*Ой у недилу бардзо рано-пораненько / Не сива зазуля закувала; / Сестра брата своего из подвирни своей / В війско выряжала*» (укр., *Метлинский А.* Народные южнорусские песни. Киев, 1854. С. 434); «<...> *Разбесчастная кукушка* нигде гнездушка не совьить, / Нигде ни совьить, ни сагренть; / *Распабедная салдатушка* местушка не найдить, / Нигде местушка не найдить, ни сживетца...» (сем.-быт. лир. п., *Киреевский* НС II/2 (№ 2252)); «*Ты о чем, ты о чем, ты моя кукушечка, о чем ты кукуешь? / — Да ведь как же мне, кукушечке, как мне ни ку-*

Если функционирование образа кукушки в рекрутской/солдатской тематике имеет выражение и в лирике и в плачах, с тюремным заключением все складывается иначе: в русской традиции работа образа представляется актуальной только для лирической песни. Примечательно, что наиболее архаичный мотив темы неволи-заточения молодца в темнице — оплакивание неволи как недоли, по большей части «растворяется» в лирике рекрутской: «Не кукушечка во сыром бору куковала, / Не соловушко в зеленом саду громко свищет; / Добрый молодец, во неволюшке сидя, плачет; / Обливается добрый молодец горячими слезами: / „Как берут меня, добра молодца, во неволю, / Уж как вяжут мне, доброму молодцу, белы руки, / Что куют, куют добру молодцу скоры ноги, / Что везут, везут добра молодца, везут в город, / Отдают меня, добра молодца, в царску службу, / Что во ту ль, во ту службу царску, во солдаты“...»⁵⁵.

Единение рекрутской и тюремной тематики наблюдается и в подаче мотива выкупа-откупа — освободить добра молодца, рекрута или невольника, от службы или из заточения пытаются мать, жена или любимая; речь идет о нечастых, по большей части южнорусских, с выходом в украинскую традицию песенных текстах: «Кукушечка соловьюшку журила... / <...> Во той ли во темнице сидел доброй молодец. / Никто к нему не взойдет, никто не заглянет. / Зашла к нему, заехала гостя дорогая, матушка родная...» (каторжн. п., Тул. губ.)⁵⁶; кукушка здесь — параллель матери узника, однако на русском материале образ кукушки в этом мотиве скорее исключение, обычными приходится признать «птичьи» образы мужские, например: «Ты не пой, не пой, млад жавороночек... / <...> Что стоит ли тюрьма, / Тюрьма новая... / <...> Что сидит ли там, сидит / Добрый молодец, / Он не год сидит, / Он не два года, — / Сидит ровно семь годов. / Заходила к нему матушка родная: / „Что я семь-то раз, / Семь раз выкупала, / Что и семь-то я, / Семь тысяч потеряла, / Что осьмой-то, / Осьмой тысячи не достала!“» (тюремн. п.)⁵⁷.

В русских рекрутских песнях мотив откупа от службы почти полностью отсутствует; отыскать его можно в плачах по рекруту (материнских и жены)⁵⁸, но такие примеры тоже нечасты, и кукушки там нет; в украинской и белорусской рекрутской лирике, напротив, образ на месте и работает традиционно: «Летіла

ковати? / <...> Что один-то был соловушко, да и тот вылетает, / Что один в меня мил сердечный друг — и тот отъезжает...» (*Якушкин-1*: № 321, помета: лир. п., перекликающаяся с мотивами песен рекрутских).

⁵⁵ *Кашин* 1833: 31; вар.: *Киреевский* НС II/2 (№ 2158).

⁵⁶ *Якушкин-2*: № 476.

⁵⁷ *Максимов С. В.* Сибирь и каторга. Т. 1. СПб., 1871. С. 392, зап. 1860-х гг.; кукушки нет, есть жаворонок, который и метафора самого молодца-узника, и аналог поющего соловья, дающего ему утешение. Пример редкого положительного разрешения ситуации выкупа женщиной мужчин семьи и рода дает ранняя историческая песня «Авдотья Рязаночка»; в ней есть два момента: первый — в лице героини представлена вся семейно-родовая триада, так как Авдотья — и мать, и сестра, и жена; второй — решающей является архаическая связь 'брат-сестра': «Не видать мне буде единыя головушки — / Мне милого братца родимого, / Да не видать буде век да и по веку...» (*Рыбников* 1910 2: 553 (№ 182), зап. в Олонец. губ. от И. П. Сивцева в нач. 60-х гг. XIX в.).

⁵⁸ См., например: *Барсов* 1872 2: 5 (плач матери); 99 (плач жены).

зозулька угору, куючи, / Заплакали молоді некрути, / Та до прийому йдучи. / Ой то ж не зозулька, то рідная мати, / Вона прийшла, вона прилинула / Та сина визволяти. / Ой ви, прийомщики, ви добрій люди, / Видпускайте синочка на волю...» (укр.)⁵⁹; «Приехали два парни до приему. / У неделю раненько стали принимати, / Прилятела зязюлечка да й стала ковати, / Приехала родна мати до приему сына выручати...» (белор., Гомел. у.)⁶⁰.

В мотиве выкупа/откупа можно отметить два момента, сближающие тюремное заключение с рекрутством: первый — как и рекрутство, заключение представляет собой обездоленность (насильственное изъятие из «своего» мира, разрыв семейно-родовых связей); второй момент — тщетность попыток как откупа от рекрутства, так и выкупа из темницы, а значит, и невозможность восстановления разорванных связей: «<...> Послышу я: милый в неволе, / Сидит в городском он остроге! / Возьму ль я ключи золотые, / Я стану ль ларцы отпирати. / Возьму ль я казны сорок тысяч, / Пойду ль я дружка выкупати, / Судьи казны взять не желают, / На волю дружка не пускают» (тюремн.)⁶¹; «...[Молодец в темнице „пишет грамотку к отцу, к матери“ — просит выкупить его, „сына, вам родимого“, и посылает жаворонка; отец с матерью отказывают: „как у нас в роду воров не было... и разбойников“; молодец пишет вновь, но уже к девице:] „Ты душа ль моя красна девица, / Моя прежняя полюбовница, / Выкупай-выручай добра молодца...“ / <...> Как возговорит красна девица: / „Ах вы нянюшки мои, мамушки, / Мои сенные верные девушки! / Вы берите мои золоты ключи, / Отмыкайте скорей кованы ларцы, / Вы берите казны сколько надобно, / Выкупайте скорей добра молодца, / Мово прежнего полюбовника!“» (лир. п. «Ты воспой, воспой, млад жаворончек»⁶²; кукушки нет и в известных вариантах этой песни, функцию вестника-посланца с просьбой о выкупе к роду и к красной девице выполняет жаворонок).

Принято считать, что русская плачевая традиция мужских плачей в обрядовых ситуациях не знает, соответственно и образ кукушки в таковых не работает, в отличие, например, от южнославянской, где мужские плачи есть, и кукушка в них вполне может быть символом выражения горя⁶³ и метафорой плачущего

⁵⁹ РСП 1974: 122; вар.: 119–123.

⁶⁰ Романов Е. Р. Белорусский сборник. Т. 1. Вып. 1–9. Киев; Витебск; Могилев; Вильна, 1886–1912. Прочт.: Романов 1886 1: 69 (№ 4).

⁶¹ Кашии 1833 1: 71.

⁶² Чулков 1770 1: № 136 (2-я пол. XVIII в.).

⁶³ Например, в «Жалост и радость по смерти кнеза Данила» дан мужской плач в привязке к обрядовой ситуации, и кукушки в нем — знак горя, символ горевания: «Войвода Милан Васојевић (плаче кá мало дијете): „Знам сердару и наша господо! / Пјевају ни тице на све стране, / Птице славље умиљате гласе, / Сад кукају црне кукавице, / У’ ве наше горе и планине, / Што ће јадни моји Прекокомци, / Тужне ли су дане дочекали!...“» [Воевода Милан Васоевич (плачет как дитя малое): Знаю, сердаре и наши господари! / Поют нам отовсюду птицы, / Славят птицы умильными голосами, / Ныне (же) кукуют черные кукушки, / По всем нашим лесам и горам, / Что обеднели мои Прекокомци, / Дождались печальных дней!...] (Српске народне пјесме / скупио их Вук Ст. Караџић. Београд, 1936. Књ. 9. С. 292–293 (№ 24)).

по убитому родича⁶⁴. Однако же при описании рекрутских проводов Е. В. Барсов приводит целый ряд мужских плачей⁶⁵; правда, образ кукушки в них себя никак не проявляет — отсутствует как таковой. В любом случае мужской плач каноническим не является, исполнение обрядовых плачей — прерогатива женская, причем в первую очередь это обязанность женщин рода и семьи: матери, сестры, жены (основная триада), а также крестной и теток.

Очевидно, что в русской традиции главенствующая роль отводится материнскому плачу, и особую выразительность он обретает благодаря *самоуподоблению*⁶⁶ плачущей кукушке: «Я гляжу, смотрю, *кокоша горегорькая*, / И на сердечное гляжу да я на дитятко...» (пл. матери по рекруту)⁶⁷; «Ты прощай-ко, мое рожоное милое дитятко... / <...> Как обневелили тебя не в пору да не во времечко, / Моего полетного, ясного сокола, / Из-под моего правого крылышка! / <...> Я, *горюша горегорькая*, / Как я сяду-то под свое любимое косящато окошечко, / Я *покукую кукушицей*...»⁶⁸ (пл. матери рекруту, Новг. губ.). Близки к материнским плачам по эмоциональной напряженности, хоть и признаются менее сильными, плачи жены рекрута (или исполняемые для нее — от ее имени или в ее адрес); и кукушка в них — то же самоуподобление или метафора плачущей: «И сиротать будет безсчастливым нашим детушкам, / И *коковать* буде мне *кокошице*...»⁶⁹; «И я бы лучше ведь, *кокоша горегорькая*, / И отпустила бы его во матушку сыру землю / И чим во эту в злодий-службу государеву...»⁷⁰; «Не кукует ли кукушка горегорь-

⁶⁴ В «Перович-Батрич» (черногор. п., 1700 г.) кукующей кукушке уподоблен отец, оплакивающий сына: «Тад' закука сиња кукавица / У сред зиме кад јој пока није, / У Заљути селу маленоме; / То не била сиња кукавица, / Већ то био Вучићевић Перо, / Мило бабо Перовић-Батрића...» [Застонала синяя кукушка / Посреди зимы, совсем не в пору, / В дальнем небольшом селе Залютах. / То была не синяя кукушка, / Это Перо Вучичевич старый, / То отец о Батриче заплакал...] (*Караџић В. С.* Српске народне пјесме. Књ. 4. Изд. 4-е. Београд, 1932. С. 2; пер. Б. Слущкого: Сербские народные песни и сказки из собр. Вука Стефановича Караджича / сост., предисл. и примеч. Ю. Смирнова. М., 1987. С. 336; собирателем песни отнесена к юнацким нового времени, что соответствует историческим). В этой связи вспоминается гипотеза В. И. Абаева о жанровых истоках «Слова о полку Игореве», согласно которой, «Слово...» — образец мужского погребального плача, с введенным в него «малым женским плачем [Ярославны]» (www.libachev.ru/pic/site/files/fulltext/janr_slova.pdf (С. 174); дата обращения — 30.04.2018 г.).

⁶⁵ См.: Барсов 1872 2: 6 (плач рекрута, обращенный к судьям); 14 (плач рекрута подружью); 24 (плач рекрута родной тетке); 101 (плач рекрута к братьям); 102 (плач рекрута к жене) и т. д.

⁶⁶ Самоуподобление кукушке, использование плачей этого образа как метафоры для себя, для матери и жены рекрута, фиксируется по всему плачевому материалу Е. В. Барсова. Характеризующий кукушку эмоциональный строй переносится на плачущую, на что указывают постоянные эпитеты к обоим — *горькая, горемычная, бедная, жалкая, (раз)бессчастливая* и т. д., и обилие в обращениях к горюющей деминутивов — *кукушечка, горюшечка, тташечка плакучая* и др., причем, не только для выражения испытываемого горя, но и как способ выражения сопереживания. О заменах в плачах кукушки другими орнитонимами следует говорить с большой осторожностью, так как из-за сверхустойчивости символики этого образа замена по большей части невозможна.

⁶⁷ Обрядовая поэзия / сост., примеч., подг. текстов В. И. Жекулиной, А. Н. Розова. М., 1989. С. 636.

⁶⁸ РОП 1998: 237; аналог — Барсов 1872 2: 83.

⁶⁹ Барсов 1872 2: 96.

⁷⁰ Барсов. Там же. С. 123.

кая / Она кукуе жалобнехонько <...> / Не кукушечка кукует горегорькая / Горюет то твоя да молода жена...»⁷¹ и т. д.

В сестринских плачах подобное функционирование образа кукушки отмечается намного реже: «И не попушу да я, кокоша, жалка голоса, / И я обидной горькой причети солдатской, / Я сестра, видно, стою да безбратняя...»⁷², «я, кокоша во кручинушке...»⁷³; однако, здесь возможно также введение этого образа как символа горевания рода или как вестницы с родной стороны: «<...> Дождал, поди, милый брат / Да меня, горе-горькую, / На крутую могилушку / На желтые песочки, / Да не мог-от дожdatися / Двадцать годков времечка. / <...> Нет дорожки-тропиночки, / Нет следочка единова... / <...> Да стоит-то могилушка / Как пустая пустынюшка. / Прилетит только пташечка / Серая да кукушечка / Со родимые стороны» (Волог. обл., пл. сестры по убитому на войне и неизвестно где похороненному брату, зап. второй половины 1960-х гг.).

Однако именно с сестринским плачем, судя по всему, надо связывать попавший в лирику балладный мотив трех сестер, провожающих брата (явная соотнесенность с проводами рекрута⁷⁴) и отправляющихся по прошествии времени на его поиски: «<...> Как большая сестра коня вывела, / Как середня седло вынесла, / Как меньшая сестра плётку подала, / Она, подавши плётку, все заплакала, / Во слезах братцу слово молвила: / „Ты когда, братец, к нам назад будешь?“⁷⁵ — „Уж вы, сестры мои, вы родимые! / Вы подите-тко на синё море, / Вы возьмите-тка песку желтого, / Вы посеите-ка в саду батюшки; / Да когда песок взойдет, вырастет, / Я тогда ж сестры, к вам назад буду“. <...> ...на десятый [год] сестры искать пошли: / Как большая сестра — в море щукою, / Как середня сестра — в поле соколом, / Как меньшая сестра — в небе звёздой. / Как большая сестра про братца не слышала, / Как середня сестра про братца слышала, / Как меньшая сестра братца видела: / Что лежит убит добрый молодец / На дикой степи на Саратовской. / <...> Не сыскавши брата, все летать стали / По степям, степям по Саратовским; / Налетали на своего братца родимого. / „Ты устань, проснись, добрый молодец!“ / Как и добрый молодец не просыпается. / Тут

⁷¹ Там же. С. 75, 89.

⁷² Там же. С. 26.

⁷³ Там же. С. 29.

⁷⁴ См. песню, исполнявшуюся на проводах казака (воспринимается как реплика указанного мотива, с разницей лишь в том, что вместо сестер здесь — мать): «Как и стал-то младец я на возрасте, / Стал конем владать, из ружья стрелять; / Записали молодца в дальнюю службу Государеву. / Как никто-то младца провожать неидеть; / Провожала его родная матушка, / Провожала-ублажала, слезно плакала: / „Уж ты сын ли мой, сын возлюбленный! / Когда же ты, сын, домой будешь?“ [характерный для данного сюжета ход — отправляющийся служить/воевать отвечает на вопрос эпической формулой условного времени: сделай то-то, и когда действия дадут заведомо невозможный результат, тогда он и возвратится домой — иносказательное *никогда*]» (Барсов 1882 2: 272 (№ 4), со сн. на «Донские областные ведомости», 1875 г.).

⁷⁵ Вопрос, принадлежащий к ритуальной сфере переходных обрядов; в частности, обязательно задаваемый в плаче оплакиваемому (умершему, рекруту) при прохождении определенной ступени похоронного обряда.

девушки слезно плакали, / Похоронили они своего брата родимого, / Похоронивши, они слезно плакали, / Они ковыль-травы прикрывали, / Они горяч камень прикладывали, / Приложивши камень, полетели на свою сторонушку» (бал. «Сестры ищут брата»⁷⁶).

Несмотря на то что образ кукушки в балладе отсутствует, в приведенном варианте именно с присущими ему функциональными характеристиками ассоциируются действия сестер: они летят на чужую сторону, летают по чужой стороне, разыскивая брата — находят его — оплакивают, хоронят — летят домой, на свою сторону; здесь мифологема кукушки — разноплановое функционирование между миром живых и миром «иным» (медиаторство) поддерживается древним мотивом превращения в птицу (оборотничество), в отношении кукушки более чем органичным⁷⁷, и функцией плачей (оплакивание со слезой и в голос обеспечивает покой душе умершего, а живым — освобождение от горя).

Материал рассматриваемой лирики и плачей подтверждает распространенность представлений о свободном функционировании кукушки-медиатора в «обе стороны» — как из «этого» мира в «иной», так и из «иного» в «этот»:

А) оттуда сюда:

- плачи погребальные, поминальные и «по своим горям» («плачи с кукушкой»), дают еще один ракурс работы образа кукушки — *воплощение души умершего*⁷⁸ (от сравнения и до символизации), причем воплощение *звучащее* и воспринимающее, *ждущее звука* (= плача), например: «<...> А пойду-то я в чисто полюшко, / Будут-то там *кукушки куковать*, / А я-то буду прислуховать: / Не моя ли детушка Петюшка *кукует*, / Не мое ли лишенько Мишенько *голос подает*, / Не мой ли Алешенько *ответа ждет?*..» (пл. матери, потерявшей на войне трех сыновей)⁷⁹;
- в проводных рекрутских плачах, аналогично тому, как это принято делать в плачах похоронных, мать или жена приглашают рекрута прилететь к ним кукушкой — вернуться или навещать почаще (т. е. живого просят, как мертвого): «...*Прилетай* же к нам почаще / *шерой птушечкой* / *жалкой кукушечкой*...» (пл. рекруту)⁸⁰; «Ой, ты милая моя удала головушка... / Ой, *прилетай* же ты ко мне *сизой-то кукушечкой*...» (пл. жены); или прислать

⁷⁶ Новый российский песенник. СПб., 1791. Ч. 1. С. 92; аналог — лир. п., Калуж. губ. (*Соболевский* 1: 337–338 (№ 257)).

⁷⁷ См. многочисленные балто-славянские этимологические предания и легенды о происхождении кукушки из женщины/девушки/девочки.

⁷⁸ Гендерные различия здесь отсутствуют: кукушкой прилететь к родным может отец, мать, сын, дочь и т. д.

⁷⁹ Народное слово на дорогах войны / сост., вступ. ст. и примеч. А. И. Лазарева. Челябинск, 1976. Цит. по: ЖС. 1995. № 2. С. 2 (зап. в Челябин. обл. от М. М. Драновой).

⁸⁰ *Разумовская Е. Н.* Плач «с кукушкой». Традиционное обрядовое голошение русско-белорусского пограничья (по материалам экспедиций 1971–1981 гг.) // *Славянский и балканский фольклор*. М., 1984. С. 160–161.

им о себе восточку с «*кокошей перелетной...*»⁸¹ (пл. матери), с обещанием: «...А я ж буду прислухиваться / к каждому голосочку: / Ты ня ты ли сюда прилетел, / *ти ня твой голосок говорить?* / *Буду я ѳтешаться коло дробных пташечек / шерых кукушечек...*»⁸²;

- в отличие от рекрутских песен, где кукушки в функции *вестника* практически нет, в плачах кукушка — «вещевница»⁸³ с чужой стороны от ушедшего или сам ушедший, прилетевший в таком облике навестить близких: «Шерая моя *жалкая, шерая кукушечка!* / Что ж ты прилятела, *закуковала?* / Что ж *ты мне принесла, какую восточку?*..», «Ну, милая кукушечка, ну шерая! / Ну ты ж *прилятела с таким жалким голосоцкым...* / Сядь ко мне поближе да расскажи мне; / *может, это сынок мой прилятел, а не кукушечка...*» (пл. матери по погибшему на войне сыну)⁸⁴; в солдатских песнях и в песнях неволи альтернативным вариантом вестника дается соловей, жаворонок, голубь, ремез и др., кого сидящий в темнице молодец шлет к родным с просьбой о выкупе: «Доброй молодец сидит в темнице... / <...> Он просит того жавороночка: / „Отнеси ты, млад жавороночек, / На мою ли, ах, дальну сторону, / Ты сие письмо к отцу, к матери!“ / <...> „Государь ты мой, родной батюшка, / Государыня моя, родна матушка, / Выкупайте вы добра молодца, / Добра молодца, своего сына...“»⁸⁵ (тюремн. п.); или же умирающий посылает дать знать родным о своей смерти: «Как вечер мне, добру молодцу, / Мало спалось, много виделось во сне: / Будто я, удал добрый молодец, / На Саратовской большой степи, / Лежу в травке, в ковыле. / Сквозь ребрышек и суставчиков ковыль-травка проросла, / Во русых кудрях ремезин гнездо свивал. / Ремезин ты мой, ремезинушко, ремезин, вольна пташечка; / Полети, мой ремезинушко, куда я тебя пошлю, / На родимую сторонушку, к мому батюшке...» (солдат. п., Оренбург. губ.⁸⁶; имеет место контаминация с мотивом зловещего сна — предвестья смерти, который вполне органично увязывается в народных верованиях и восточных, и южных славян с образом кукушки⁸⁷);

⁸¹ Барсов 1872. 2: 79.

⁸² Разумовская Е. Н. Плач «с кукушкой». Там же.

⁸³ Е. Н. Разумовская дает пояснение: «В... текстах необрядовых голошений <кукушку>... называют также «вещевницей», т. е. навещающей родной дом и приносящей вести издалека: либо из потустороннего мира умерших, либо с земной «чуждедальной сторонушки», которая именно в силу своей отдаленности и «чужести» мыслится таким же нереальным миром, как загробное царство» (Разумовская Е. Н. С. 160).

⁸⁴ Разумовская Е. Н. Плач «с кукушкой». С. 177 (Псков. обл., плач А. П. Старовойтова, зап. 1972 г.).

⁸⁵ Фрагмент уже упоминавшейся старинной песни, см.: Чулков 1770–1773. 1: № 136, 2-я пол. XVIII в.

⁸⁶ Собрание народных песен П. В. Киреевского. Зап. Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Т. 1 / подг. текстов А. Д. Самойлова. Л., 1977. № 150.

⁸⁷ В большинстве славянских традиций живо представление, что видеть во сне кукушку — не к добру, а слышать во сне ее кукование считается верным знаком скорой смерти своей или кого-то

- в украинском материале встречается оригинальный мотив выведения «з гаю» (= с чужой стороны в этот мир — «до роду») «заблудившегося» солдата — *путь «оттуда» знает кукушка*: «Вже тому сім рік буде, / Як жовнір гаєм блудить. / <...> ...Приблудився аж до гаю, / До широкого лиману; / Став коненька наповати, / Став плакати и рыдати / — Стала зозуля ковати... / „Зозуленько, моя ненько! / Закуй мене жалобненько <...> / Скажи мене сю дорогу — / Куды ехати до роду, / Ой до роду, до родини / До верненькой дружини?“...» (лев. сторона Днепра, козацк. п.; *sic!* кукушка выводит несчастного заблудшего *на голос* — «Я буду йти, куваючи, / А ти за мнов слухаючи...») ⁸⁸.

Б) отсюда туда:

- в плачах кукушка может выполнять *функцию вестника-посыльного*, отправляемого «на чужу сторону» («туда»): «...Я *напрашу тебе, любимая кукушечка, / Слетай на дальнюю стороначку, / Поклонись* моёму миламу детёначку / ут сиратиначки низёшинька, / *Расскажи* про моё вяликая горюшка, / Што дажидаю я, победна сиратиначка, / в своё тёплая гнёздышка те(б)я с чужий сторонуньки» (пл. матери, Псков. обл. ⁸⁹); или: «*Узлетай, кукушечка шерая! / Злетай на чужую дальнюю сторонуньку! / Покукуй-передай* моим братчикам родным / привет от мене низенький. / *Кукушечка шерая! Птушечка милая! / И передай* моим дружочкам Матвею и Осипу... / <...> *Скажи*, как яны мене огорчили горько, / обидели бедно, / кинули мене безродную, одинокую, / и живу я кругом чужих людюшек... / Никого же ў мене нету родного... Я каждый день плачу...» (пл. помин., Псков. обл. ⁹⁰; очевидна смысловая нагрузка на *голос* кукушки); но, надо признать, что в песенном материале военной тематики посылание кукушки с вестями

из близких, см.: Никитина А. В. Образ кукушки в славянском фольклоре. СПб., 2002. С. 16–18.

⁸⁸ Максимович 1962: 135–136; аналоги — РСП 1974: 340, 341; если судить по обращениям «козака», с кукушкой и тут ассоциируется триада — мать, сестра и любимая: в приведенном примере — «*Зозуленько, моя ненько!*», в аналогах — «*Ти, сестричко, ти, рідненька*» и «*зозулько, любко моя, / Выведи ме з сего ліса...*». На то, что место солдатских блужданий — чужая сторона, мир «иной», указывает контекст: лес (гай), время блужданий (уже семь лет), отчаяние из-за невозможности выйти самому (стал плакать и рыдать) и необычный ответ кукушки на просьбу: «„Выведи мя з сего гаю, / З сего гаю, з цего краю.“ / — „Діти м свої згодувала, / Гаю краю не видала. / Я буду йти, куваючи, / А ти за мнов слухаючи...“»; в одном из аналогов введен дополнительный эпизод — обращение сначала к соколу, и его тоже необычный, более подходящий ворону, ответ: «— Ти, соколе, ти сивенький, / Ти, братчику мій рідненький, / Выведи мя з сего гаю, / З сего гаю, з цего краю. / — Я ті з гаю не виведу, / Чорні очі відзубаю. / Жовняр цеє зачуває, / Зтуга лучок нагибає, / Як устрілив межи крила, / Аж сі гілля похилила...» (РСП 1974: 340).

⁸⁹ Лобкова Г. В. Древности Псковской земли. Жатвенная обрядность: Образы, ритуалы, художественная система. СПб., 2000. С. 34.

⁹⁰ Разумовская Е. Н. С. 162–163; зап. 1981 г. от А. Д. Корпусовой; упоминаемые А. Д. братья погибли на войне, Матвей и Осип — ее умершие мужья (с. 177); в посвященном мужьям фрагменте перечислено все, что отождествляет плачущую с кукушкой, — горькая обида за свое одиночество, брошенность и безродность, и слезное горевание «каждый день», оплакивание своей доли.

- «туда» фиксируется нечасто: «Под окном береза бела, / На нее кукушка села, / Золотые перышки, / *Снеси поклон* Егорушке»⁹¹ (воен. част.);
- на могиле (речь нередко идет о войне, погибшем в походе или в бою) посажено/ вырастает дерево, на которое прилетают птицы (в том числе кукушки), *приносят вести* с родной стороны; или же кукушкой может прилететь мать (чаще) или любимая (редко) и горюют по убитому (сродни рит. плачу-бужению в погребальном обряде): «На той на могиле / Вырастало деревце береза; / Что на этой на березе / Сидела кукушка. / Не *кукушечка кукует*, / — То *мать* казака *горюет!*» (солдат. п.)⁹²; «<...> на могиле береза бела вырастала. / Как на этой березе кукушка кукует; / Не *кукушечка кукует*, — / *Его мать горюет*: / „Уж сыночек, ты мой соколочек... / Ты промолви словечко...“ / — „Рад бы, мамонька, примолвил, — / Уста крепко сжаты, / Что уста крепко сжаты, / Крепко рученьки прижаты“» (лир. п., Перм. губ.)⁹³; укр. варианты: а) [чумак помирает (разбойники убили), его хоронят и на могиле сажают калину, на которую прилетает «зазуленька» (мать), она просит сына подать ей правую руку, но тот] — «рад бы и обе дать, но сыра земля налегла — не могу поднять...» (лир. п. «У поли крыниченька холодна водиченька...»⁹⁴); б) «Ой у лесе на дубочку зозуля ковала... [кукующей кукушке уподоблена плачущая мать; сын, умирая, завещает: «не вернись — посадите на могиле калину, будут птички прилетать — вести приносить»] (дума воин./рекрут. галиц.⁹⁵; птички здесь — замещение кукушки-вестницы); в) «Ой у поли край дороги / Є высокая могила, гей, гей! / А на тои могилоньць / Та стоить три деревині: ... / Ой една деревина / Зелена ясенина... / А другая деревина / Та бѣлая березина... / А третья деревина / Та червона й калина... / <...> На червоній калиноньць / Та зазулька кує... / Ой погнали вдовинь сына / Вже в дорозѣ ночує... [зазуленька куєт — мать горюет (один Бог знает, где сын)]» (дума воин./рекр.)⁹⁶;
  - в женских песнях, развернутых на рекрутскую/солдатскую тематику, и в плачах встречается известный мотив желания обрести крылья как вариант общего для восточных славян песенного мотива 'мать (или любимая) птицей летит на могилу погибшего': «За Кубаном огни горять, а по полю дымно... / <...> Как *была ба я кукушка, были б сизыя крылья*, / Возлителя, полителя в турецкую землю, / Во турецку я землю, на край, на границу...» (солдат. п., от имени любимой)⁹⁷; «<...> Ничего бы я не желала, — / Сизы

⁹¹ Русские частушки. С. 443.

⁹² *Соболевский* 1895 1: 508 (№ 429).

⁹³ *Соболевский* 1895 1: 509–510 (№ 430, лир. п.); 508 (№ 429, солдат. п., та же Перм. губ., сокращ. вариант).

⁹⁴ *Максимович* 1962: 185–186.

⁹⁵ *Головацкий* 1878: 96–97.

⁹⁶ Там же. С. 139–140 (№ 13).

⁹⁷ *Киреевский* 1986: 254; определяется как солдат. п.; историч. элемент недостаточен, хотя явно соотносится с военными действиями на Кавказе.

крылышки иметь; / Я взвилась бы, полетела, / Где мой милый друг зарыт; / <...> Я бы косточки собрала / И в гроб их поклала / Родной земле предала / Горьки слезы пролила!» (Терск. обл., от имени любимой)⁹⁸; или: «<...> Ох, мой сыночек, / Ясный соколочек! / <...> Как [была] бы я голубка, / Золотые крылья, золотые крылья, / Разсызые перья, — / Взвилась, полетела, / Где мой сынок помер... / <...> Моему сыночку / Зеленой садочек / Выростила бы!» (солдат. п. Казан. губ., от имени матери)⁹⁹; ср.: «И кабы мне-кава, печальной головушке, / И были крылышка горяше бы гусиные, а полеты лебединые, / Полетела бы выше лесушку дремучего, / Облетела бы всю Русию подселенную / И повзыскала бы скачоную жемчужинку...» (плач сестры солдата)¹⁰⁰. В функциональном плане образ кукушки здесь представляется более органичным и потому предпочтительнее, чем сизокрылая голубка и птица с крыльями гусиными и полетами лебедиными; их можно было бы считать замещением, но приходится признать, что в русском материале в данном мотиве кукушка привлекается крайне редко, приведенный пример — едва ли не единственный.

Без сомнения, состояние обездоленности солдата усугубляется потенциальной смертью в походе или, что страшнее, на поле боя — «на чужой дальней стороне», без оплакивания и должного погребения: «Уж никто по мне, добром молодце, не потужит... / <...> Род и племя все меня, молодца, провожают: / „Послужи-ка, ты, добрый молодец, верой, правдой; / Положи за нас свою буйную ты головку“» (рекрут.)¹⁰¹; ср. с рекрут. част.: «Нас угонят — похоронят / Не отцы, не матери; / Похоронят в чистом поле / Враги-неприятели»¹⁰². Предельно сконцентрированно эта сторона солдатской неволи представлена в известной украинской рекрутской песне: «<...> Плаче жомняр, плаче чорными очима, / Же вечера конец стола, а смерть за плечима: / Не дай, Боже, смерти, в чужом краю вмерти, / А хто буде доглядати жомнярской смерти? / Ни отца, ни матки, никому жаловати. / А никому жомнярови ранов завивати. / Ворон прилетае, смерти доглядае / Беле тело обдзёбуе, кости разношае. / <...> Коб то наша матка знала, тобь нам раны завивала, / Красенько б нас ховала, и дзвоны бы нам понаймовала, / Жалобненько заплакала, як зязулька заковала. / Як зазулька у садочку, так матенка по сыночку...»¹⁰³

В рекрутской и солдатской лирике смерть в походе или в бою предопределена, эта предопределенность присутствует и в плачах, обращенных к рекруту: «Не миновать тебе, дитятко, быть убиту в поле турками...» (пл. матери); «А тебе-то,

⁹⁸ *Соболевский* 1900 6: 221–223 (№ 287).

⁹⁹ *Соболевский* 6: 223–224 (№ 289).

¹⁰⁰ *Барсов* 1872 2: 29.

¹⁰¹ *Кашин* 1833 1: 31.

¹⁰² *Русские частушки* 1956: 388.

¹⁰³ *Головацкий* 1878 1: 85–86; вариант указан как рекрутская/воинская дума, т. е. как песня эпическая, и имеет помету: «зап. от слепого лирника Фомы Зелениюка...»

мой любезный друг, непременно быть убитому...» (пл. жены)¹⁰⁴; и даже в плачах от имени самого рекрута: «<...> И пока Бог души не вынет, так душа сама не выйдет; / И я не знаю же, солдат бедной, не ведаю, / И уж гди-да моя жизнь бедна скончается, / И гди помрет моя солдатская головушка, / И гди схоронится победно тело грешное; / И я жаждал бы-то, родитель — родна матушка, / И помереть да на родимой своей родине...»¹⁰⁵ Примечательно, что в былинном эпосе смерть героя в бою может быть на роду «не писаной», см., например, эпизод обретения силы Ильей Муромцем: «<...> Говорят калики перехожая: / „Будешь ты, Илья великий богатырь, / И смерть тебе на бою не писана: / Бейся-ратися со всяким богатырем...“»¹⁰⁶. Очевидна разница в отношении к смерти на поле брани: страх перед «неправильной» смертью рекрута/солдата, извлеченного из мирной жизни, воина, что называется, «по несчастью», и понимание смерти в бою как достойной и единственно возможной для богатыря как воина истинного, как человека войны. Это различие в восприятии — дополнительное пояснение отсутствию интереса к образу кукушки в былинке, но активному привлечению этого образа плачами рекрутского обряда и солдатской лирикой.

Пересечения рекрутства/солдатчины с погребальной обрядностью обостряют связь кукушки с миром смерти, придают особый ракурс основной функциональной характеристике образа — выражению горя и его избеганию. Гибель на чужбине, в сражении — смерть особого типа, оплакивания в рамках традиционного ритуала здесь недостаточно, требуется нечто иное, способное обеспечить душе погибшего если не восстановление разорванных связей с живыми, то хотя бы упокоение, в чем кукушке-медиатору, плачущему с уникальными свойствами голоса, равных нет¹⁰⁷.

Нельзя не упомянуть в связи с этим знакомый всей восточнославянской воинской лирике мотив узнавания матерью, сестрой или женой о гибели (причем героической) сына, брата или мужа, и оплакивание погибшего: «<...> Помер, помер козаченька / Во середу рано / Посреди Урала. / <...> Тело несут, коня ведут, / Конь голову клонит. / Ты взоржи, ...конь вороны! / Услыхала его мати... / <...> „Ох, мой сыночек, / Ясный соколочек!..“»¹⁰⁸; «<...> Во втором полку, гусарушки, урон сделалса, / Урон сделалса, гусарушки, генерал помяр. / Ни сваей смертью генерал помяр — вор-хранцуз убил. / Самово-то генералушку на плячах нясут, / Маладую генеральшу шестерней везут, / Маладая

¹⁰⁴ *Зимин М. М.* Плачи по призванным на военную службу // Второй этнографический сборник. 1920 (Зап. 1916–1919 гг.). С. 11, 13. Цит. по: *Еремич В. И.* Художественный мир народной поэзии. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. С. 146.

¹⁰⁵ *Барсов* 1882 2: 227.

¹⁰⁶ *Рыбников* 1989 1: № 52.

¹⁰⁷ Представление настолько прочно обосновалось в народном сознании, что вошло и в христианские аналоги плачевой традиции: «Куда летишь, кукушечка (2)?.. / Лечу, лечу я в тот отлет (2)... / Чтобы найти душе покой (2)... / <...> / Пади к ногам Спасителя (2)... / Пролей пред ним источник слез (2)...» (духовн. помин. стих, Перм. губ.).

¹⁰⁸ *Соболевский* 1900 6: 223–224 (№ 289), Казан. губ.

генеральша слезно плакала...» (солдат. п.)¹⁰⁹ и т. д. Мотив традиционно связывается с уже упоминавшимся мотивом 'сестер, провожающих брата', контаминация дает логичное завершение напрасного ожидания возвращения («Нема братки — война ўбіла»¹¹⁰). Введение образа кукушки-плачеи здесь, можно сказать, напрашивается, но в русском материале образ отсутствует¹¹¹, он есть лишь в украинских вариантах: «Ой мала вдова сына сокола, / Выгодовала въ вѡйсько вѡдала. / Ой старша сестра коня сѣдлала, / А середуща хустку качала, / А наймолодша шаблю подала, / Якъ подавала, та й промовляла: / „Ой, брате, брате милый, брате Василю! / Коли жь ты приѣдешь до насъ въ гостину?“ / — „Выйди, сестричко, на круту гору, / Та выглядай мене покрай Дунаю!“ / Выйшла сестричка на круту гору, / Та гляне очкомъ на край Дунаю. / На крутій горѣ бѣль камѣнь лежить, / Тамъ все сестричка за братом тужить. / — Выйшла сестричка на круту гору, / Та гляне очкомъ на край Дунаю, / Ажъ тамъ козаки купоньками йдуть, / Брата Василя коника ведуть. / — „Ой, вы козаки, вы шаливѣры, / Де сѣте вы мого братенька дѣли?“ / — „Чи не то твої братъ що три вѡйська збивъ, / А за четвертымъ головъ положивъ?“ / Зазуля лѣтала надъ нимъ куючи, / Коники ржали его везучи, / Колеса скрипѣли, пѣдъ нимъ котючи, / Служеньки плакали, за нимъ идучи!..» (дума былевая козацкая, проводы козака на войну)¹¹².

Однако именно плачией над убитым предстает кукушка в старой солдатской (= разбойничьей) лирике: «Край дорожки, край широкия было Московской, / Тут стояла зелена елинка, / Не толстая, собою ровная / Со вершиночки до самого корня. / Что на этой было елинке, / Что на самой было вершинке, / Тут сидела дорогая пташка, / *Горе-горькая бедна кукушка. / Не кукует, все бедна горюет, / Жалобнешенько, слезно причитает,* / Под елинушку сама взирает: / Под елинушкой лежит молодчик. / Не убит он лежит, не застрелен — / Вострой сабелькой весь он изрублен. / <...> Тут спроговорит душа-молодчик: / „Уж ты мамушка, зелена елина! / Опусты ты свое прутье-витье! / Ты прикрой мое тело белое — / Чтобы дождичком тела не мочило, / Чтобы солнышком тела не сушило, / Чтобы

¹⁰⁹ *Якушкин-1*, № 516 (вар. № 172); коммент.: солдат. п. с мотивами неустановленного исторического события (война 1812 г.?): ср.: «Шуміць, гуде сасѡночка, / Тужить, плаче маскѡвочка, / Я все мужи з войска едуть, / А маго мужа кѡня ведуч...» (полес. эп. п., *Смирнов* 1981: 239 (№ 24); в коммент. указывается, что песня, по-видимому, имеет украинское происхождение).

¹¹⁰ Концовка полес. эп. п. (балладн.) на мотив провожающих брата сестер (*Смирнов* 1981: 238 (№ 20)); ср. с концовкой рус. рекрут. п. (вар. того же мотива) — ответом рекрута на материнский вопрос «Когда в гости приедешь?»: «Сударыня моя маменька, / Выйди на круту гору, / Посмотри... / <...> / Среди синя морюшка серый камешек лежит. / Как же серу камешку / К бережку ему не плыть, / Так же мне, добру молодцу, / Родной стороны не видать» (*РОП* 1998: 244 (№ 355), со сн. на: Архив ИРЛИ, Р. V. П. 1, № 10, Медвежьегорск).

¹¹¹ См., например: *Соболевский* 1: 339–340 (№ 259), Саратов. губ.; на вопрос, когда назад ждать, брат велит сестре ходить на Дунай-реку; она ходит... и однажды видит идущую мимо «силу войскую», она спрашивает о брате... — брата во гробе несут: он 3 роты побил, на четвертой голову сложил.

¹¹² *Максимович* 1854: 117; аналог — Галицкие народные песни: 24–25 (№ 19).

звери тела не терзали, / Чтобы вороны тела не клевали!“¹¹³. Эпизод предсмертной просьбы (здесь: обращение к ели, как к родной матери, прикрыть тело = схоронить достойно («Не дай, боже, умереть, когда некому поховать»)) может быть развернут, конкретизирован, и включать в себя обращение к природным объектам, как к своему роду-племени, с просьбой совершить над телом все что должно: «<...>, Тихий Дон-река — мой отец родной, / Сырая земля — родна матушка, / Соловей в бору — родимый мой брат, / Кукушка в лесу — сестрица моя, / Белая березушка — жена молода, / От нее отростушки — мои детушки!“ / Головка бесталанная покатила, / Тихий Дон-река замутилась. / „Тихий Дон-река, родной батюшка, ты обмой меня! / Сырая земля, мать родная, ты прикрой меня! / Соловей в бору, милый братец мой, ты запой по мне! / *Кукушка* в лесу, во дубровушке, / *Сестрица моя, покукуй по мне!*“ / Белая березушка с своими отростками, пошуми по мне» (бал. «Беглый княжич»)¹¹⁴.

В сущности, это вариация мотива передачи роду-племени последней воли, активно функционирующего в солдатской лирике в контексте перемены судьбы солдата, передела, перераспределения доли внутри семьи-рода: «<...> Что далече, далече, во чистом поле / Стояла тут дубровушка зеленая, / Среди ее стоял золотой курган, / На кургане раскладен был огничек, / Возле огничка послан войлочек, / На войлочке лежит ли доброй молодец, / Припекает свои ранушки боевые, / Боевые ранушки кровавые. / Что из далека, далёка, из чиста поля / Приходят к нему братцы-товарищи, / Зовут ли доброго молодца на святую Русь. / Ответ держит доброй молодец: / „Подите, братцы, на святую Русь, / Приходит мне смертынька скорая, / Отцу-матери скажите челобитьице, / Роду-племени скажите по поклону всем, / Молодой жене скажите свою волошку / На все ли на четыре на сторонушки, / Малым детушкам скажите благословеньице...“¹¹⁵; или: «<...> Он не так-то убит, — а больно ранен, / Не так плачет — как река льется; /

¹¹³ *Киреевский* НС II/1 (№ 1263), 2-я четверть XIX в., Арханг. губ.

¹¹⁴ *Балашов* 1963: 243; С. Н. Азбелевым (1986 г.) баллада отнесена к песням Древней Руси. Погребение без оплакивания — не погребение, и кукушке, которая не случайно именуется здесь сестрой, отводится роль плачи (плач сестры по брату — архаич. форма родового оплакивания, которой некогда отдавалось предпочтение перед прочими); соловей же — «братец», который слагает песни(-память), что дает образу убитого княжича некоторое сходство с воином. Отметим, что в лирике сложение песни в память о погибшем числится и за кукушкой (южн.-рус., укр.): «Ой у саду, у садочку зазула ковала, / То ту спеваночку сестричка складала, / Вона себе и складала все ее спевала, / Щобы брата, Степаночка, та не забувала» (*Головацкий* 1878 1: 55; в данном случае сложная сестрой в память об убитом брате песня = поминальному плачу).

¹¹⁵ Солдат. песня «Уж как пал туман на синё море» (*Чулков* 1770–1774 2: 247 (№ 138)). Мотив передачи сообщения о смерти и последней воли (разрывание связей) попал в ямщицкие и чумацкие песни, см.: «Степь Моздокская» (*Филитов* Т. Сборник народных песен. М., 1882. С. 26 (№ 11)); или: «Уж ты, степь, ты, наша степь»: «...Вы скажите, братцы, матушке моей, / Что остался я в дикой степи. — / На могилушке моей / Растет ковыль-травонька, / В головах растет горькая польнушка, / Во резвых ногах стоят звери лютые: / Разорвут мое тело белое, / Растаскают мои костоньки / По дикой степи!» (*Терещенко* А. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 2. С. 398–399; здесь адресат последнего «прости» предельно сфокусирован — матушка, и нет прямой просьбы оплакать, но описана смерть сродни солдатской — на чужой стороне, без должного погребения).

Шелковым платком утирается, / На все стороны поклоняется: / „Не с одной ли сторонушки со мной? / Скажите поклон моему батюшке, / Государыне моей матушке: / Пропал-погиб добрый молодец / На чужой-дальней сторонушке...“» (истор. п.)¹¹⁶.

Настоятельная необходимость найти погибшего, обмыть его раны, оплакать и достойно похоронить (обязательная отдача долга покойному, обеспечение родом-племенем его доли) находит выражение в уже упоминавшемся мотиве обретения крыльев и полета туда, где лежит погибший: «<...> — Как была <бы> я пташкой, я могла весь день лятать... / <...> Где ракитовы куста, где мой милый убит лежит. / Я бы косточки яво собрала, вы дубовый гроб яво склала, / К сырой земле яво придала, три словечка яму сказала: / Зарастай все, мая могилка, все травую еще муравой...» (воен.-быт. лир.)¹¹⁷, ср.: «Не копя поют на Дунае, — / То слышен мне глас Ярославны; / Кукушкой неузнанной рано / Кукует она: / „Полечу я кукушкой, / Говорит, по Дунаю, / Омочу рукава бобровый / Во Каяле-реке, / Оботру я князю / Раны кровавые / На застывающем / Теле его“...»¹¹⁸ Допускаю, что приводить плач Ярославны в качестве примера работы образа кукушки в героическом эпосе не совсем корректно: «Слово о полку Игореве» — произведение литературное, былиной не признается (хотя попытки такой его интерпретации известны¹¹⁹, а сомнения в правомерности перевода зегзицы как кукушки¹²⁰ вы-

¹¹⁶ Киреевский 8: 228; ист. п. XVIII в., отразившая события Шведской войны; кукушки нет, но есть мотив горевания умирающего по своей участи и есть передача последней воли с уходящими товарищами. Подобная передача «завещания» через возвращающихся домой (на Русь) «братцев-товарищей» — не редкость; птичьи образы нечасты, но есть аналог с гусями, которые летят домой (= на Русь).

¹¹⁷ Цит. по: Киреевский 1986: 299 (№ 408).

¹¹⁸ Слово о полку Игореве («Плач Ярославны» в переводе И. Новикова).

¹¹⁹ М. А. Максимович (1877) и Никифоров А. И. (1938) считали «Слово» песней; как о героической песне, былине, говорил о «Слове» М. Г. Булахов (1989); известны сопоставления «Слова» с зап.-европ. жанром «песен о подвигах» (см.: А. Н. Робинсон, Д. С. Лихачев и др.). Д. С. Лихачев видел в «Слове» объединение собственно литературных элементов (летописные термины, стилистика воинских повестей) с элементами народного эпоса и лирики, имея в виду в первую очередь поэтику (мотивы, образы, ритмическое оформление, звукопись и т. д.); он указывал на близость «Слова» к традиционным плачам и к славам («песенным прославлениям героев»). См.: Слово о полку Игореве (Древнерусский текст. Переводы и переложения. Поэтические вариации) / вступ. ст. Д. С. Лихачева; ст., сост. и подг. текста Л. А. Дмитриева; коммент. Л. А. Дмитриева, О. В. Творогова. М., 1986. С. 12.

¹²⁰ В примечаниях к цитируемому изданию со сн. на: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 2. Д – Копье. Л., 1967. С. 121–122, о давних разногласиях по трактовке *зегзицы* говорится: «Мнения исследователей разделились. <...> М. А. Максимович указывал, что на Украине кукушка „есть верный символ сиротства и родственной печали. И в украинских песнях, где так сильно развито сие чувство, всегда зозуля прилетает тужить над неоплаканым трупом: это живая печаль матери или сестры“. Н. А. Мещерский, напротив, присоединяясь к мнению, что речь идет о „зигзичке“ — чайке, подчеркивает, что „контекст плача Ярославны... вызывает образ именно водяной птицы, чайки, низко летающей над речной поверхностью и задевающей ее крылом, а отнюдь не связывается с представлением об обитательнице лесов — кукушке“» (с. 348–349). См. также статью Г. Трускова «Как зегзица стала кукушкой» (Литература. 1999. № 39): <http://lit.1september.ru/article.php?ID=199903901> (дата обращения: 30.04.2018).

сказываются до сих пор), однако приведенный фрагмент такое представление безусловно дает.

Очевидна переключка мотива полета птиц (матери, сестры, жены или любимой) к убитому с мотивом 'трех пташек у мертвого тела', известным прежде всего как заключительная часть «Гор» (Воробьевских, крутых и т. д.¹²¹, альтернативой которым являются поля или степь), а также в качестве вставного в разные песенные формы, включая обрядовые и эпические: «...[Ничего горы не спородили, один бел-горюч камень; из-под камушка течет быстра реченька, на реке стоит куст ракитовый, а на нем орел; держит черна ворона, бить не бьет, все выспрашивает... видел ворон „чудо дивное“:] Там лежит, лежит тело белое. / Никто к тому телу не подступится. / Как вокруг того тела вьются лишь три ласточки. / Как и первая ласточка — его родна матушка, / А другая ласточка — его сестра родная, / Как и третья ласточка — его молода жена...» (солдат. п.)¹²²; «<...> Что на ту пору́, да на то времечко / Прилетело ведь три птички, три кукушицы: / Как една кукуша на бедну́ главу села, / А друга кукуша — на белы груди, / А третья кукуша на резвы ноги. / На буйной главы да сидит мать родна, / На белых грудях — да родима сестра / Во резвых ногах да молода жена» (бал. «Проданный брат»)¹²³.

Мотив распространенный, он фиксируется в развернутых и редуцированных вариантах, располагая собственным «набором» устойчивых элементов, таких как:

- характерное местоположение убитого: «Как под кустиком под ракитовым, / Что лежит убит добрый молодец...», «...головой-то лежит да в част ракитов куст»;
- три птицы — основная триада женщин рода-племени: «Только вьются тут три ластушки, / Три ластушки, три касатушки: / Перва ластушка вьется — родима матушка, / Друга ластушка вьется, то родна сестра, / Третья ластушка вьется — молода жена...» (триада в данном мотиве инвариантная — только мать, сестра и жена);
- расположение пташек у тела / на теле: в головах — на груди, на сердце — в ногах: «...Как една кукуша на бедну́ главу села, / А друга кукуша — на белы груди, / А третья кукуша на резвы ноги. / На буйной главы да сидит мать родна, / На белых грудях — да родима сестра / Во резвых ногах да молода жена» (это «распределение» может опускаться, однако его можно считать устойчивым и косвенно, в соответствии с народными представлениями, оно подтверждает силу связи женщин рода-семьи с убитым; так,

¹²¹ Исходная жанровая принадлежность песни под вопросом: ее определяли то как «популярную разбойничью» песню (Киреевский НС № 1636, Тул. губ.), то как «популярнейшую рекрутскую» или «старинную солдатскую, известную в зап. XVIII в.» (ЛН. Т. 79, см.: Киреевский 1986: 373–374 (№ 516); 371–372 (№ 513, Орлов. губ.) и др.).

¹²² Старинная солдат. песня «Уж вы, горы мои, горы Воробьевские!» (Киреевский НС П/2 (№ 1933), Орлов. губ.).

¹²³ Балашов 1983: 64 (№ 276, зап. в Арханг. губ. летом 1901 г.).

положение жены в ногах говорит о ее скором «уходе» (выйдет за другого, забудет));

- основное действие «пташек» — оплакивание (плачут/кричат и т. д.): но есть и другое определение, более органичное для стабильно указываемых здесь ласточек — они «вьются» и даже вокруг мертвого тела как «круг тепла гнезда увиваются...» (образ «тепла гнезда» (= дома) характерен для образной системы плачей и духовного стиха (и здесь в определенном смысле — тело как дом для души));
- градация силы их плача: «...родная матушка; / Она плачет, как река льется, / А родна сестра, — как ручей течет, / Молода жена, — что роса падет...»¹²⁴ (аллюзии с эпической формулой времени, коррелирующего с движущейся водой (текущей, льющейся и т. д.) — «Еще день за день, как будто дождь дождит, / Да й неделя за неделю как река бежит...») и т. д.

Во втором из приведенных ранее примеров отсутствует небольшой, но значимый элемент, говорящий, что нет доступа к телу (возможно, и дела нет до тела) никому, кроме тех самых трех «пташек»: «<...> Уж никто-та к телу не подвернется, / Уж никто к белому не подшатнется; / Только вьются тут три ластушки, / Три ластушки, три касатушки: / Перва ластушка вьется — родима матушка, / Друга ластушка вьется, то родна сестра, / Третья ластушка вьется — молода жена...» (солдат. п., Москов. губ.)¹²⁵, или: «Да никто ко телу не приступится. / Солеталися к нему, к телу приступилися / Да три ластушки, да три все косатые: / Да первая ластушка — ево родная матушка, / Как другая ластушка — ево родная сестра, / Как и третья ластушка — ево молодая жена...» (разбойн. п.)¹²⁶. Этот элемент, подчеркивающий значение семейно-родственной связи в обеспечении достойного упокоения умершего, дополняется другим, определяющим силу этой связи — градацией плача: «...Как и мать по нем кричит, что быстра река течет. / А сестра по нем кричит, что с горы ручьи текут. / А жена по нем кричит — словно утрешня роса: / Как и солнышко взойдет — роса высохнет» (солдат. п., Тамбов. губ.)¹²⁷; ср.: «<...> Пораздумаюсь я, добрый молодец, умом-разумом, / Умом-разумом молодецким, / И своима мыслима я рекрутским, / И разговорама я солдатским: / И родна маменька плачет до гробных досок, / Сестры родныя-то

¹²⁴ *Соболевский* 1: № 360.

¹²⁵ *Киреевский* НС II/1 № 1499 («Ах! Вы горы, горы мои, горы Воробьевские!», зап. 1831 г.).

¹²⁶ *Киреевский* НС II/2: № 1636 («Уж вы, горы мои, горы крутые», цит. по: *Киреевский* 1986: 214 (№ 279), с пометой в коммент. (с. 441): «Тул. губ., Белевск. у., д. Зиново». Популярная разбойничья песня, близкая к солдатским).

¹²⁷ *Протт* 1961: 337, зап. Лопатиным Н. М. в 1870–1880 гг.; аналог — *Киреевский* НС II/2 № 1933, Орлов. губ., старинная солдатская песня «Уж вы, горы мои, горы Воробьевские!». В более ранней песне конца XVIII в. пассаж о силе плача жены завершает сентенция: «Как замуж она пойдет, то забудет его» (*Соболевский* 1: 444–445 (№ 358)), Олонецкий вар-т: «...молода жена <плачет> до мила дружка» (*Соболевский* 6: 93–94 (№ 116)); т. е. мотив неверной (беспамятной) жены и дает основу для приведения градации плача.

плачут до замужьяца, / А молода-то женка плачет, как травы роса: / И когда солнышко утром опечеть, / И со травы росу высушит» (рекрут. п.)¹²⁸.

Три пташки предстают в мотиве как плачеи, а ранее уже шла речь о том, что лучшей плачеи, чем кукушка, нет (тем более когда мать плачет по убитому сыну); однако в русском материале мотив с удивительным постоянством дает *ласточек* (возможны единичные замещения — *лебеди, павы*, обобщенные *птички-пташечки*, но не кукушки); логически обоснованное, напрашивающееся привлечение этого образа оказывается здесь даже не редкостью, а исключением (см. приведенный фрагмент баллады «Проданный сын», Арханг. губ., зап. 1901 г.). В украинских и белорусских аналогах, напротив, кукушки — инвариант, замещений нет, например: молнией убивает вдовьего сына и «нема кому дати до матенки знати, чтобы пришла мати сына поховати...»; прилетели три «зазуленьки просивеньки, смутненьки»: одна «пала по конец головки» (то «матенька старенька», она плачет годами — «кровавая речка»), а другая «впала по конец ножочок» (то сестричка родненька, она плачет сколько получится — «слезная криниченька»), третья — «по конец серденька» (это миленька, она иную мысль «лелеет», ее плач — «сухая стеженька») (укр. лир. п. «Ой вылетел сокол...»)¹²⁹; «Там под церковью, под новенькою... [«три зозулейки, все три рабэйки, силы-впали, тай закувалы»: в головах — мать (она век плачет), на сердце — сестра (она год плачет), в ногах — милая (плачет неделю)]» (полес., эп. п.)¹³⁰.

Существует мнение, что для русской традиции мотив 'трех пташек' недавний, однако он фиксируется в ряде эпических песен — баллад, разбойничьих и исторических (причем определяемых как ранние), например: уже упоминавшиеся баллада «Проданный сын» (Арханг. губ.) и вариант балладного сюжета 'сестры ищут брата' «Убитый брат»¹³¹, разбойничья песня «Как доселе у нас, братцы, через темной лес...»¹³², историческая «Смерть Михайлы Черкашенина»¹³³ и некоторые др.

Упомянутая разбойничья песня «Как доселе у нас, братцы...» дает развернутый вариант рассматриваемого мотива с редким неординарным ходом перед традиционной концовкой: «<...> Как убит лежит удалой доброй молодец, / Что головушка у молодца испроломана, / Ретиво сердце у молодца испрострелено. / Что постелюшка под молодцом — камыш-трава, / Изголовьице под добрым —

¹²⁸ Барсов 1882 2: 266–267 (№ 3 «Собирайтесь, бедны ребятушки, на зеленый луг...»).

¹²⁹ Головацкий 1878: 192–193.

¹³⁰ Смирнов, зап. 1977 г., С. 275–276; песня «весняная», пелась в Великий пост.

¹³¹ Балашов 1963: 73.

¹³² Соболевский 1: 444–445 (№ 358; скорее всего, определяется как разбойн. п., зап. конца XVIII в.).

¹³³ Исторические песни XIII–XVI веков / изд. подг. Б. Н. Путилов и Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960. № 277; явная реплика мотива трех пташек у тела («А птицы-ластичи / Круг гнезда убиваются...»), но традиционная женская триада представлена только женой, мать и сестра замещены малыми детьми, что и для мотива нехарактерно, и плачевой традиции противоречит: «<...> Еще плачут малы его дети / Над белым телом. / С высокого терема / Зазрела молодая жена, / А плачет, убивается / Над его белым телом, / Сквозь слезы свои она... / Жалобно причитаючи...»

част ракивов куст... / Прилетели к добру молодцу три ласточки, / Из них первая садилась на буйной главе, / А другая-то садилась на белой груди, / Ах, как третья садилась на скорых ногах. / Что как первая-то пташка — родна матушка, / А другая-то пташка — то мила сестра, / Ах, как третья-то пташка — молода жена. / Они взяли мертво тело за белы руки, / Понесли они то тело во высокой терём. / Его матушка плачет — что река льется, / А родная сестра плачет — как ручьи текут, / Молодая жена плачет — как роса падет: / Когда солнышко взойдет, росу высушит, / Как замуж она пойдет, то забудет его».

Для русских героических песен мотив 'трех пташек' считать характерным нельзя, тем не менее есть редкий пример его введения в былинку, причем с использованием указанного хода — забирания тела домой (словно во исполнение последней воли — «И я жаждал бы-то, родитель — родна матушка, / И помереть да на родимой своей родине...»):

<...>

И сам тогда-то всё Алёшенька Поповиць-от
Он хотел только, Алёшенька, богатыря
Вот предать его скоро сырой земли, —
Налетели тут ведь три да птици-пташици,
Три-то птици-пташици перелетные,
Оввернулись три поленици-то преудалые,
И оввернулись они, низко-то, низко кланелись...

<...>

И во слезах-то поленици тут говорили:
«Уж ты ой еси, дороднёй доброй молодец,
От Алёшенька же да сын Поповиць млад,
Как дозволь-ко, нам отдай да тело мертвое,
Увезём-то мы ёго да во своё место,
В свой-от город увезем да мы задоньской-от;
Он же мой-от сын же был да сын любимой-от,
Ета поленица-та — ёго же молода жена,
Ешше ета полениця — родна сестриця.
У мня мужа-та убили у вас во Киеви,
Два-та сына ведь убили всё во Киеви,
Пришла етому-то младшому та долюшка, —
Всё побил ты же, ведь киеськой богатырь-от.
Ты бери-ко сколько надобно золотой казны,
Только дай-ко увезти да тело мертвое...»
(*Бой Алешки Поповича и Добрыни с Татаринцом*)¹³⁴

Вариант уникальный — мотив, без сомнения, переработан в рамках традиции, но своеобразно, и ощущается женское исполнение: а) особым образом заострено противопоставление 'свой—чужой', так как мотив, целиком выстроенный на родовой связи, применен в отношении антигероя — татарина, убитого Алешей

¹³⁴ Былины М. С. Крюковой. Летописи Гос. литературного музея. Кн. 6. М., 1939. С. 312–315 (№ 31), в зап. Э. Г. Бородиной и Р. С. Липец 14.04.38 г.

Поповичем в поединке; б) мотив 'трех пташиц' вводится в нужный момент: победитель намеревается предать тело противника земле — акт для былины в целом нехарактерный, но в контексте рассматриваемого мотива логичный и достойный (однако ему предшествует извлечение из мертвого тела сердца¹³⁵ и его забирание — «в тряпицу» и «в сумочку»); в) вводится ход, нехарактерный для песен и баллад с мотивом трех пташек, но для эпоса героического и для некоторых жанров эпоса прозаического вполне органичный — обратное превращение: прилетевшие к телу «пташицы» перекидываются в женщин, причем все три оказываются «поленицами преудалыми»; г) тема оплакивания снимается, ее подменяет хоть и слезная, но не лишенная достоинства просьба к победителю позволить им забрать мертвое тело домой (предложение выкупа); д) право говорить за всех трех незваных гостей отдается главной — матери убитого, она представляет богатую своих «товарок» и обосновывает справедливость притязаний семейно-родовыми связями с убитым; теперь эти связи разрушены, осталась лишь женская линия, поскольку и муж (отец и свекор), и сыновья (братья, деверья и муж) — все мертвы, причем все убиты одним — «киеским богатырем» Алешей Поповичем.

Нельзя не признать, что данная М. С. Крюковой интерпретация мотива 'трех пташек' в былинном контексте — одна из интереснейших, остается лишь сожалеть, что образу кукушки в ней места нет.

Здесь, по-видимому, должно остановиться и подвести итоги.

Представление о том, что образ кукушки практически не функционирует в русском песенном эпосе, неверно, рассмотренный материал это подтверждает: с разной степенью интенсивности образ задействуется историческими и разбойничьими песнями, а также балладами; из-за неясности с жанровой атрибуцией здесь оставлены в стороне случаи фиксации образа в известных «Птицах», определяемых как песня эпическая¹³⁶.

По первым двум жанрам подтвердилась низкая частотность; напомним, что в работе Л. Ю. Гусева, привлеченной главным образом из-за данных по частотности, жанр разбойничьей песни не рассматривался, а частотность кукушки по историческим песням соответствовала десяти случаям (данные, к сожалению,

¹³⁵ Для богатыря, как воина благородного, это действие странное, так как воспринимается скорее как акт недостойный, сродни надругательству, ср.: «[лежит в поле тело молодецкое]... Два ворона круг тела увивалися, — / Два черкеса над белым телом надругалися: / Вскрыли ему, да добру молодцу, они грудь белую; / Вынимали они из доброго молодца что сердце со печенью...» (солдат. п. «За славную за Кубанью рекой...», Терск. обл., *Соболевский* 6: 240 (№ 310); по времени данный пример ближе к исторической песне, чем к былине, однако же...).

¹³⁶ Д. М. Балашов, включает «Птиц» в сборник баллад с пометой «старинка» (*Балашов* 1963: 305); аналогичную помету имеет и вариант Д. К. Зеленина (Перм. сб-к); у А. Ф. Гильфердинга (№ 280, кукушки нет) песня «Птицы» помещена среди эпических, как и вариант «Каково птицам жить на Руси» (№ 78, кукушка есть), зап. от сказителя В. П. Щеголенка (социальная сатира, скomorошина?); переработ. вариант «Протекло теплое море...» (*Киреевский* НС II/2: 299 (№ 1813) указан как хороводная и игровая п.) и т. д. Вопрос: есть ли здесь связь с письменными источниками, типа азбуковников, толковых палей и т. п.?

представлены так, что нет возможности свериться с источниками). В набранном для статьи материале на оба жанра нашлось всего четыре песенных текста (без учета вариантов), в которых отмечено функционирование образа кукушки: 1 — «Дотолева зелен сад зелён стоял»¹³⁷ (истор. п. о стрелецком восстании и казни; в запеве *кукушки — знак, предвестье грядущей беды и смерти*); 2 — «В зеленом-то саду...» (истор. п., пересек. с солдат. п.; *кукующие кукушки дают «назолу» солдатам — предречение бедствования и горевания*); 3 — «Казань-город [на крови стоит]» (истор. п., известная в контаминации с «Соловей кукушку уговаривал...»¹³⁸; *кукушка — параллель девице, которую пытаются обмануть* (обычно); *кукушка, указывающая девице на обман, раскрывающая обман* (редко) + *<знак солдатской смерти>*); 4 — «Край дорожки...»¹³⁹ (разбойн. п., пересек. с солдат. п., *кукушка — плачя по убитому*).

Соотнесенность с воинской тематикой¹⁴⁰ контекста отмеченных песен (здесь уже с учетом известных вариантов) очевидная, исключения составляют ограничивающиеся только любовной темой варианты «Соловей кукушку уговаривал...»; функциональные же характеристики образа находятся в полном соответствии с семантикой. Примечательно, что рассмотренный материал позволяет обозначить встречающиеся в исторических и разбойничьих песнях мотивы, в которых привлечение образа кукушки представляется обоснованным, и было бы естественным, но его там нет, это:

- мотив обездоленности (сиротства, бесприютности и т. д.), который, в отличие от ракурса подачи в солдатской лирике, оказывается в песне исторической и разбойничьей опрошен, ввиду отсутствия здесь женского (в первую очередь материнского) горевания, а то и просто снимается — в мужском мире проявлению горя по женскому типу места нет;
- мотив зловещего сна, предвещающего несчастья и смерть (в действительности, мотив балладный); у южных славян он встречается в юнацких песнях старого и нового времени (= историческим), например «Взятие Ужице»¹⁴¹: виденная во сне о штурме города кукушка толкуется как символ духовной силы (*молящийся за сербское воинство протопоп Милутин*); в русском

¹³⁷ Киреевский III/8 1870: 20 (№ 3).

¹³⁸ Киреевский СС 6: 14 (истор. п.); НС II/2: 186 (№ 2366, любовн. п.); сжатие старинного сюжета (= и функц. значение образа) до формы частушки: «Соловей кукушку сватал / Пташка отговариват: / — Не ходи, кукушка, замуж, / Соловей обманывает» (Сборник великорусских частушек / под ред. Е. Н. Елеонской. М., 1914. № 1089).

¹³⁹ Киреевский НС II/1 (№ 1263, 2-я четв. XIX в., Арханг. губ.); вар.: *Иваницкий* 1960: 27 (№ 117, Волог. губ.).

¹⁴⁰ В разбойничьей песне встречается если не отождествление, то взаимосвязь разбойника и солдата, например: «Ты взойди-ка, красно солнышко... / <...> Обогрей-ка нас, добрых молодцов... / Сирот бедных — солдат беглых, / Солдат беглых, беспачпортных...» (Киреевский НС II/2: 212 (№ 2480)).

¹⁴¹ *Караџић* 4: № 27 (из необъяв. рукописа; о реальном историческом событии 1805 г. в Западной Сербии).

аналоге, более раннем — истор. п. XVI в. «Взятие Казанского царства»¹⁴², кукушки нет; в русских разбойничьих песнях известны варианты мотива сна, предвещающего смерть атамана, есаула и всей разбойничьей дружины¹⁴³; интересный штрих: зловещий сон (не считая сна героя о собственной гибели) видит, как правило, жена или возлюбленная; толкование же увиденного дает обычно старшая/старая женщина (вост.-слав.), и облеченный властью, умудренный мужчина (южн.-слав.);

- родственный мотиву трех пташек мотив желания обрести крылья матерью, сестрой или любимой, и полететь туда, где лежит погибший сын, брат или возлюбленный, если и встречается, то в песне исторической; благодаря включению этого мотива песня, по-видимому, должна рассматриваться как переходная в лирику форма;
- мотив трех пташек у мертвого тела в русском материале фиксируется в песне исторической, разбойничьей, а также в балладе, вне песенного эпоса — в воинской лирике. Материал украинский и белорусский располагает также песней обрядовой (весенне-летний обряд «вождения стрелы»), но, насколько можно судить, указанный мотив представлен лишь в одном из нескольких вариантов песни, ареал же бытования самого обряда невелик¹⁴⁴. Вновь отметим, что в отличие от постоянных в русских версиях мотива ласточек, в украинских, белорусских и южнославянских аналогах с не меньшим постоянством даются кукушки (примечательно, что В. Ст. Караджич считал этот мотив заимствованным из восточнославянской традиции).

Обозначенные мотивы также дают выход в воинскую тему и, в определенном смысле, оказываются между героическим эпосом и рекрутской/солдатской лирикой. Здесь следует отметить некоторую размытость в определении жанровой принадлежности: одна и та же песня (или ее вариант) может быть отнесена к разным жанрам (в одном указываться как разбойничья, в другом — как старинная солдатская) или определяться с большей или меньшей долей условности

¹⁴² Древние российские стихотворения, собр. Киршею Даниловым. М.; Л., 1958. С. 195 (на взятие Казани Иваном Грозным в 1552 г.).

¹⁴³ Например: *Киреевский* НС II/2: 212 (№ 2480). Сербский аналог: сновиденья нет, но есть отдых, во время которого разбойники слышат кукование кукушки, и оно воспринимается как предсказание смерти всей дружине (*Борђевић* 1958 2: 18).

¹⁴⁴ Мотив распространенный, встречается в разных жанрах, непросто говорить о времени его возникновения и жанре, в котором он появился. Генетическую связь мотива с обрядами весеннего календаря, а значит, и давность появления, усмотрел П. В. Линтур, соотнес белорусскую балладу «Як у поле под дубровушкой» и украинскую русальную песню «Да летить стріла та уздовж села» (*Линтур П. В.* Балладная песня и обрядовая поэзия // *Русский фольклор: Специфика фольклорных жанров*. Т. 10. М.; Л., 1966. С. 228–236). Позже В. Е. Гусев рассматривал аналог последней как основную версию (причем, наиболее устойчивую в русско-белорусско-украинском пограничье) ритуальной песни обряда «вождения стрелы», см.: *Гусев В. Е.* Вождение «стрелы» («сулы») в Восточном Полесье // *СБФ*. 1986. С. 63–76; подчеркнем: мотив оплакивания имеет место, но и в самом обряде, и во всех версиях обрядовой песни, включая приведенную (с. 71), полностью отсутствуют орнитоморфные образы.

(например: «популярная солдатская песня с отголосками неуставленного исторического события»; или: «поздняя историческая песня из цикла удалых разбойничьих»¹⁴⁵ и т. д.).

Отсутствие образа кукушки в мотивах, где его привлечение напрашивается, не объясняется свободой замещения другими орнитоморфными образами, дело в его особом эмоциональном строе и жесткой ориентированности на женщин. В этом основание для слабого привлечения образа кукушки исторической и разбойничьей песней, поскольку художественная реальность, создаваемая обоими жанрами, ближе к миру былины, в котором и герой иной, с иными приоритетами, нежели в лирике, и рефлексия ему (богатырю, да и богатырке) не пристала по определению.

Балладных мотивов, в которых востребован образ кукушки, больше¹⁴⁶ и они разнообразнее, что связано с развернутостью баллад на семейно-бытовую проблематику, которой семантика образа отвечает в большей степени. Как наиболее существенные для обобщения по функционированию образа в русских эпических песнях в целом укажем:

- мотив предвестья беды, недоли и смерти, например: бал. «Молодец взят во солдаты»¹⁴⁷ (*кукушка — вестница (= знак) рекрутского набора, недоли молодца, а также метафора горюющей по сыну матери*);
- мотив зловещего сна, например: бал. «Король-Королевич»¹⁴⁸ (*кукушка — символ смерти (здесь: жены в родах)*); укажем, что в большинстве украинских и белорусских аналогов¹⁴⁹ фигурирует кукушка, в русском же материале фактически повсеместно — «серая утица»);
- мотив обездоленности + общий фон любовного/семейного несчастья, например: бал. «Гнездо соловья»¹⁵⁰ (*кукушка — правдивый информатор, знает истину, знает, как должно быть*);

¹⁴⁵ Примеры комментариев даны по: *Киреевский* 1986: 442–443, к № 404; 338.

¹⁴⁶ В работе Л. Ю. Гусева при определении частотности орнитонимов жанр баллады не рассматривался, хотя некоторые баллады, судя по примерам, приведенным в посвященном кукушке разделе, анализировались как лирика (*Гусев* 1996: 45–47).

¹⁴⁷ *Чернышев* 1936: № 85; варианты данного мотива из др. традиций: «Ох горы, вы горы, горы крутыя...» (белор. бал., *Романов* 1885 1: 46 (№ 89), *кукушка — вестница беды и смерти, а также параллель матери, оплакивающей одного сына и проклинаящей другого*); «Тройзель» (укр. казач. дума, *Головацкий* 1878: 112–113; вар.: 216–218, 594; *кукушка — вестница не сложившейся судьбы (недоли) и предвестник смерти*); «Джавер-беговица» (серб., балладн. п., *Караџић* 1973: 278–280; *кукушка — вестница смерти и горя*) и др.

¹⁴⁸ Наиболее известные варианты: *Соболевский* 1: № 263 (Новг.), № 264 (Казан.), № 265 (Москов.), № 266 (Орлов.), № 267 (Дон.), № 268 (Симбир.), № 269 и др.

¹⁴⁹ См.: *Головацкий* 1878: 182–183; *Максимович* 1962: 82–84 (лир. п.); мотив (сюжет?) распространенный, предположительно имеет юго-зап. происхождение и отражает борьбу на Украине XVII–XVIII вв.

¹⁵⁰ *Чернышев* 1936: № 288; мотив сем.-бытовой, более частый в др. традициях, например: укр. балладн. п. о загубленной мужем жене (*Метлинский* 1854: 266, *кукушки будут прилетать на могилу и рассказывать правду*); болг. балладн. п. о куме-обманнице: *БНПП* 1982 5: 180–181; аналог — свад.

- мотив дочки-пташечки, например: бал. «Калинку с малинкой вода поняла...»¹⁵¹ (*кукушка — воплощение женской недоли* (невозможность возвращения для той, что стала чужой) и *орнитоморфный облик души* + уникальная работа *голоса*); образ устойчив — в русском материале здесь только кукушка¹⁵²; однако, по мнению И. И. Земцовского, кукушку следует считать поздней конкретизацией¹⁵³, исходно — абстрактный птичий образ;
- мотив сбывания постылого дитяти (матерью/мачехой дочери/падчерицы или сына)¹⁵⁴, соотносимый с мотивом дочки-пташечки, так как сбываемая или сбываемый обещает (угрожает) возвратиться птицей¹⁵⁵, например: бал. «Проданный сын» (*кукушка — воплощение души*, причем *агрессивной*); образ «работает» исключительно в женских вариантах, когда сбывается дочь/падчерица; в вариантах мужских идет замещение — птичка-пташечка, соловей и т. д.);
- мотив оплакивания погибшего, например: бал. «Беглый княжич»¹⁵⁶ (*кукушка — плачя* («сестрица», оплакивающая брата));
- мотивы «сестры ищут брата» и «три пташечки у мертвого тела», нередко в контаминации¹⁵⁷ (и все традиционно: ласточки (кукушек нет) в русском материале и сплошные кукушки в украинских, белорусских и южнославянских аналогах).

Отмеченные мотивы (и балладные, и исторических и разбойничьих песен) и то, как проявляются в них функциональные характеристики рассматриваемого образа, все позволяет говорить о наличии общего единого контекста как для указанных жанров песенного эпоса, так и для воинской лирики и для определенных типов плачей, который актуализирует привлечение образа кукушки; частотность привлечения естественно коррелирует с целевой направленностью конкретного жанра. В определенном смысле сказанное относится и к песням героическим, но не на русском материале, почему и потребовалось привлечение украинских, белорусских и южнославянских аналогов.

Давность сложения и архаическая основа — то, с чем следует связывать не востребованность данного образа жанром былин. Образ кукушки с его уникальной

п.: БНПП 1981 2: 324–325; *девушка забыла свои клятвы, как кукушка*, и выходит за другого, а любимого зовет быть на свадьбе кумом, т. е. дружкой, вести ее под венец.

¹⁵¹ Киреевский 1983 1: 261–262 и др.

¹⁵² Полесские аналоги, напротив, дают варианты замещения — *вутенька, галка*, см.: Смирнов 1981: № 53, 55.

¹⁵³ Земцовский И. И. Баллада о дочке-пташечке: К вопросу о взаимосвязях в славянской народной песенности // Русский фольклор: народная поэзия славян. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 156, 158.

¹⁵⁴ Считается, что мотив наиболее распространен в казачьих районах Центральной и Южной России.

¹⁵⁵ Чернышев 1936: № 133, 231; Киреевский НС II/2: № 1891, 1951, 2253, 2354; Иваницкий 1960: № 255, 248.

¹⁵⁶ Балашов 1963: 243; укр. аналоги: Головацкий 1878: 24–25 (№ 19); Максимович 1962: 117.

¹⁵⁷ Балашов 1963: 73; 1983: 276; Чернышев 1936: 64 (№ 54); Соболевский 1: 337–338 (№ 257) и др.

семантикой находится в противоречии с самой жанровой определяющей героической песни: мужской жанр с восхвалением подвига и трагической героикой (слава павшим) vs. женской ориентированности образа в любом ракурсе, включая очевидную развернутость на плачевую традицию, связанную с переходными обрядами, ведение-оформление которых традиционно почиталось делом женским.

Специфика рассматриваемого образа объясняет его отсутствие в героическом эпосе, и дело не в том, что былинные герои и героини не плачут — это не так. Образ кукушки представляет особый тип плача: кукование — не просто выражение горя, тоски и печали, оно в большей степени отвечает характеру и задачам ритуальных плачей, особенно близко к плачам обряда погребения и поминальным, которые развернуты «в обе стороны» — на упокоение души умершего и на избавление горя родных; иными словами, кукование (и сам голос кукушки) выполняет регулятивную функцию между миром живых и миром мертвых, что соответствует основной функциональной характеристике плачей-медиатора¹⁵⁸. Это естественно ставит образ кукушки в оппозицию к жанровой определяющей героической песни — прославлению подвигов и обеспечению непреходящей памяти о них («Что в веках не меркнет слава богатырская»). В былине допустима трагическая героика (слава павшим), обретение же погибшим героем покоя находится за пределами интересов жанра и потому не рассматривается. Кроме того, образ кукушки женский, и благодаря древности сложения он прочно связан на родовые отношения, причем на форму архаическую, когда род представляла мать¹⁵⁹. В остаточном виде эта форма присутствует в художественной системе плачей обрядовых, прежде всего обряда погребального и связанного с ним генетически рекрутского. Рекрутские плачи и рекрутские песни дают многочисленные подтверждения соотносительности функционирования кукушки и плачей, как женщины рода (матери, в первую очередь), и как регулятора родо-

¹⁵⁸ Возможно, функции плачей в рекрутском обряде требуют пересмотра, поскольку ее задачи здесь не совпадают с задачами в обряде погребальном. Рекрут, несмотря на вроде бы очевидный переходный статус и отождествление в обрядовом контексте с покойником, не «переходит» и не отправляется на воссоединение с умершими своего рода, он «уходит», направляется в «никуда» и, если учитывать предешенную гибель в походе или в бою (реализация неправильной смерти), «навсегда». То есть рекрут в большей степени соответствует неблагополучному покойнику, в связи с чем задачи плачей в рекрутских проводах — это, скорее, оформление разрыва рекрута с родом (включая помощь в перераспределении доли и снятие претензий) и, насколько возможно, облегчение общего горя.

¹⁵⁹ В матери виделось сосредоточие сути бытия рода: подательница и проводник жизни и смерти, наделяющая судьбой и лишаящая судьбы, регламентирующая контакты и взаимно-«движение» его живых и мертвых членов и т. д. О Великой (богине) матери в мировой культуре, о ее птичьем облике, и о том, что с ней соотносилась кукушка (греч., балто-слав. и др.), см.: *Голан А.* Миф и символ. М., 1993. С. 172–175. В этой связи особое значение получает создание представления о кукушке как о плохой матери — попытка дискредитации в рамках отношений ‘мать–дитя’ (обычный прием борьбы христианства со старыми верованиями) — представление связано с нарушением кукушкой запрета птицам вить гнездо на Благовещенье, которое беспрецедентно наказывается невозможностью иметь «дом» (= семью) и воспитывать потомство (запрет на род).

вых отношений. Очевидно, что родовые отношения, тем более в таком контексте для героического эпоса не существенны для раскрытия исследуемого образа понимание специфики его проявлений в песенных жанрах русского эпоса в целом.

Литература

- Бенуас Л.* Знаки, символы и мифы / пер. с фр. А. Калантарова. М., 2004.
- Българска народна поезия и проза (БНПП). София, 1981–1983. Т. 1–7.
- Бондаренко В.* Поверья крестьян Тамбовской губ. // Живая старина. СПб., 1890. Вып. 1. С. 119.
- Былины М. С. Крюковой. Летописи Государственного литературного музея. Кн. 6. М., 1939.
- Былины Мезени (Свод русского фольклора: Былины: в 25 т. / отв. ред. А. А. Горелов). Т. 3–5. Л.; М., 2003–2006; Предметный указатель: т. 5. С. 368–543.
- Бычко-Машко И. Е.* Сборник народных песен, зап. в п. Калюга-Комарно... Гродненской губ. / Сборник ОРЯС ИАН. Т. 89. № 4. СПб., 1911.
- Великорусские народные песни, изданные А. И. Соболевским. Т. 1–7. СПб., 1895–1902.
- Голан А.* Миф и символ. М., 1993.
- Гусев В. Е.* Вождение «стрелы» («сулы») в Восточном Полесье // Славянский и Балканский фольклор. 1986. С. 63–76.
- Гусев Л. Ю.* Птицы русского фольклора (лингвистическое исследование). Курск, 1996.
- Древние российские стихотворения, собр. Киршеем Даниловым. М.; Л., 1958.
- Еремича В. И.* Художественный мир народной поэзии. СПб.: Пушкинский Дом, 2016.
- Жили-были... Русская обрядовая поэзия / сост., авт. ст. и коммент. Г. Г. Шаповалова и Л. С. Лаврентьева. СПб., 1998.
- Зеленая моя вишенка: Собрание песен липован, проживающих в Румынии / сост. М. Маринеску. Бухарест, 1978.
- Земцовский И. И.* Баллада о дочке-пташечке: К вопросу о взаимосвязях в славянской народной песенности // Русский фольклор: народная поэзия славян. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 156, 158.
- Исторические песни. Баллады / сост., подг. текстов, ст. и примеч. С. Н. Азбелева. М., 1986.
- Исторические песни XIII–XVI веков / изд. подг. Б. Н. Путилов и Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960.
- Исторические песни XVIII века / изд. подг. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971.
- Караџић В. С.* Српске народне пјесме. Књ. 4. Изд. 4-е. Београд, 1932.
- Кашин Д.* Русские народные песни. Ч. 1. М., 1833.

- Линтур П. В.* Балладная песня и обрядовая поэзия // Русский фольклор: Специфика фольклорных жанров. Т. 10. М.; Л., 1966. С. 228–236.
- Литературное наследство. Т. 79. Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М., 1968.
- Лобкова Г. В.* Древности Псковской земли. Жатвенная обрядность: Образы, ритуалы, художественная система. СПб., 2000.
- Максимов С. В.* Сибирь и каторга. Т. 1. СПб., 1871.
- Марков А. В.* Беломорские былины. М., 1901.
- Метлинский А.* Народные южнорусские песни. Киев, 1854.
- Народное слово на дорогах войны / сост., вступ. ст. и примеч. А. И. Лазарева. Челябинск, 1976. Цит. по: ЖС. 1995. № 2. С. 2.
- Народные баллады / вступ. ст., подг. текстов и примеч. Д. М. Балашова. М.; Л., 1963.
- Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собр. Я. Ф. Головацким. Ч. 1. М., 1878.
- Невская Л. Г.* Балто-славянское причитание: Реконструкция семантической структуры. М., 1993.
- Никитина А. В.* Образ кукушки в славянском фольклоре. СПб., 2002.
- Новый российский песенник. СПб., 1791. Ч. 1.
- Обрядовая поэзия / сост., примеч., подг. текстов В. И. Жекулиной, А. Н. Розова. М., 1989.
- Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собр. Н. А. Иваницким в Вологодской губ. / подг. текстов Н. В. Новиковым. Вологда, 1960.
- Песни, собр. П. В. Киреевским. Изд. Общ-ва Люб. Рос. словесности при Московском ун-те. Вып. 2. Песни необрядовые. Ч. 1. М., 1918 (№ 1173–1611); Ч. 2. М., 1929 (№ 1612–2988) [Новая серия].
- Песни, собр. П. Н. Рыбниковым: в 3 т. М., 1910 (1861).
- Петренко О. А., Хроленко А. Т.* Gold / Золото // Фольклорная лексикография. Вып. 4. Курск, 1995.
- Пословицы русского народа / собр. В. И. Даль. М., 1957.
- Причитания Северного края, собр. Е. В. Барсовым. Ч. 1 (М., 1872). Ч. 2 (М., 1882). Ч. 3 (М., 1886).
- Разумовская Е. Н.* Плач «с кукушкой». Традиционное обрядовое голошение русско-белорусского пограничья (по материалам экспедиций 1971–1981 гг.) // Славянский и балканский фольклор. М., 1984. С. 160–178.
- Рекрутські та солдатські пісні. Українська народна творчість. Київ, 1974.
- Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Т. 1. Вып. 1–9. Киев; Витебск; Могилев; Вильна, 1886–1912.
- Русская баллада / предисл., ред. и примеч. В. И. Чернышева. Л., 1936.
- Русские народные баллады / вступ. ст., подг. текста и примеч. Д. М. Балашова. М., 1983.
- Русские частушки / предисл. и отбор текстов Н. И. Рождественской и С. С. Жислиной. М., 1956.

- Сборник великорусских частушек / под ред. Е. Н. Елеонской. М., 1914.
- Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М., 1995–2012.
- Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / сост. В. Л. Виноградова. Вып. 2. Д – Копье. Л., 1967.
- Слово о полку Игореве / Пер., предисл. и поясн. И. Новикова; общ. ред. и вступ. ст. Н. К. Гудзия. М., 1938.
- Слово о полку Игореве (Древнерусский текст. Переводы и переложения. Поэтические вариации) / вступ. ст. Д. С. Лихачева; ст., сост. и подг. текста Л. А. Дмитриева; коммент. Л. А. Дмитриева, О. В. Творогова. М., 1986.
- Смирнов Ю. И. Славянские эпические традиции. Проблемы эволюции. М., 1974.
- Смирнов Ю. И. Эпика Полесья (по записям 1975 г.) // Славянский и балканский фольклор (Обряд. Текст). М., 1981. С. 224–269.
- Смирнов Ю. И. Эпика Полесья (по записям 1977 г.) // Славянский и балканский фольклор (Духовная культура Полесья на общеславянском фоне). М., 1986. С. 248–265.
- Собрание народных песен П. В. Киреевского / предисл., послесл., коммент., сост. В. И. Калугина. Тула, 1986.
- Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина. Т. 1 / подг. текстов З. И. Власовой. Л., 1983.
- Собрание народных песен П. В. Киреевского. Зап. Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Т. 1 / подг. текстов А. Д. Самойлова. Л., 1977.
- Сочинения М. Д. Чулкова. Изд. ОРЯС ИАН. СПб., 1913. Т. 3. (вар.: Собрание разных песен М. Д. Чулкова. Ч. 1, 2 и 3 с прибавлением. СПб., 1770–1773).
- Српске народне пјесме / Скупио их Вук Ст. Караџић. Београд, 1936. Књ. 9.
- Терещенко А. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 2.
- Трусков Г. Как зегзица стала кукушкой // Литература. 1999. № 39. URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=199903901>
- Филиппов Т. Сборник народных песен. М., 1882.